

Алексей Калугин

Геноцид

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142789
Геноцид: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17033-2*

Аннотация

Здесь никогда ничего не случилось. Время в этом загадочном мире текло размеренно и неторопливо, жизнь людей была сосредоточена на крошечном островке, собранном из плотов, дрейфующих посреди бескрайних водных просторов. Вот только никто из них не помнил, как попал сюда и кем был раньше... Это не тревожило большинство обитателей Мелководья, с радостью променявших память о прошлом на безмятежный покой настоящего. Но все хорошее когда-нибудь кончается – в одночасье местные аборигены – плоскоглазые из добродушных соседей превратились в непримиримых и кровожадных врагов. Началась война на уничтожение. Чтобы выжить, людям пришлось вспомнить позабытый опыт своей цивилизации. И научиться убивать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Калугин

Геноцид

Глава 1

Раф слизнул с губ соленые брызги разбившейся о край плота волны. Странно, почему вода на Глубине соленая, в то время как на Мелководье она пресная? И капли дождя тоже пресные. Раф часто думал об этом и не находил ответа.

Держась левой рукой за мокрый, скользкий поручень, тянувшийся вдоль борта, ладонью правой Раф быстро провел по лицу, стирая капли дождя. Дождь хлестал так, что даже кепка с широким кожаным козырьком не спасала. Приходилось то и дело моргать, из-за чего никак не удавалось сфокусировать взгляд на том, что происходило за серой, мерцающей завесой ливня – на Глубине.

Уже над водой не было видно черенков тонких, ломающихся на ветру стеблей палочника, а это означало, что Мелководье скоро закончится. Еще метров сто, максимум – сто пятьдесят, и плот снесет на Глубину. Тогда шансы вернуться на Мелководье будут близки к нулю. Если только ветер вдруг резко переменится и погонит соленую глубинную воду на Мелководье. Но такое случалось редко, только после восточных штормов. А сейчас шторм шел с северо-запада. Он еще набирал силу, свирепел, как пойманный в петлю мокротень, явно готовясь бушевать дня три-четыре, а то и все пять, – никак не меньше.

Ударившая с левого борта волна приподняла плот. Раф обеими руками ухватился за поручень. И все равно ноги в плетеных сандалиях заскользили по рифленому пластику. Раф повис на поручне, отчаянно нащупывая опору. Когда ему удалось подняться на ноги, плот оказался развернут к Глубине правым бортом.

Держа на вытянутой руке фал, обвязанный вокруг пояса, Раф засеменил по мокрой палубе. Добравшись до жилой надстройки, он ухватился за тянувшийся вдоль кабинки поручень и, перебирая его руками, перешел на другой борт. Еще одна короткая, безумно опасная пробежка, – и Раф навалился грудью на поручень правого борта.

Предмет, что он заприметил еще издали, по-прежнему был похож на размытое темное пятно. Но, гниль сырая, что еще это могло быть, как не плот, снесенный на Глубину! Вопрос только в том, кого и зачем понесло прочь с Мелководья, когда ребенку было ясно, что надвигается шторм? Даже в тихую, безветренную погоду опытные плотогоны отваживались зайти на глубину самое большое на триста метров. Да и то, закинув на Мелководье страховочный фал. А при такой волне, как сейчас, даже новый тростниковый канат не выдержит, если размотать его более, чем на сто метров. Ответ казался очевидным, – плот был бесхозный. Оторвался от связки и уплыл. Хозяин, конечно, болван, что не следит за своим имуществом. Но кем бы он ни был, унесенный на Глубину плот вместе со всем находящимся на нем имуществом по любым законам станет собственностью того, кто сумеет его достать.

Каждый год по тем или иным причинам пропадало от трех до семи пластиковых плотов. И это наносило серьезный урон не только владельцам потерянных плотов, но и всему обществу. Все больше тростниковых плотов приставало к Квадратному острову. А срок службы тростникового плота, при самом хорошем уходе за ним, не больше четырех лет.

Времени на размышление не оставалось. Еще минута-другая, и плот Рафа снесет с Мелководья. И тогда...

А что тогда?

Об этом тоже думал Раф звездными ночами, лежа на крыше жилой надстройки и глядя на небо, похожее на уснувшее море. Что будет, если уйти на Глубину и плыть все время вперед, все дальше, и дальше, и дальше, никуда не сворачивая? Одни говорили, что Глубина бесконечна. Так же, как небо. И огоньки, порой вспыхивающие на дне моря, были вовсе не отражениями звезд небесных, а совсем другими звездами, утонувшими в Глубине, как в небе. Другие утверждали, что если плыть по Глубине все время вперед, никуда не сворачивая, то

в конце концов снова на Мелководье вернешься. Мол, такова природа Глубины, – не бесконечна она вовсе, а замкнута сама на себе. Вот только чтобы пересечь Глубину, плыть нужно очень-очень-очень долго. Так долго, что ни провианта, ни запасов пресной воды, ни здоровья не хватит. К тому же на глубине живут чудовища, способные в щепки разнести самый прочный плот из армированного стальной решеткой пластика. Одним словом, если кто и пытался по собственным разумению и воле уйти за горизонт, то история об этом умалчивала. Наверное, потому, что история, как водится, пишется одними разумными людьми для других точно таких же разумных людей, потому и нет в ней места для описания эксцентричных выходов безумцев. Общество способно терпеть безумца, поскольку он является хорошим примером для остальных. Прекрасным примером того, как не следует мыслить, что нельзя говорить, как не нужно поступать. Но, как только безумец скрывается за горизонтом, о нем тут же забывают. И больше никогда не вспоминают. Как будто его и вовсе не было.

Несмотря на весь свой интерес к тому, что же представляет собой Глубина, Раф вовсе не хотел, чтобы шторм, как языком, – большим, шершавым, соленым, – слизнул его связку плотов и увлек на Глубину.

Раф побежал на корму, проскользнул под поручнями и выскочил на край базового плота. Подтянув страховочный фал, он улучил момент, когда палубы обоих плотов встали почти вровень, и перепрыгнул на второй плот.

Тут его и накрыла волна, заставив присесть на корточки и едва ли не лбом упереться в широкие, плотные пальмовые листья, которыми Раф заблаговременно прикрыл грядки. А как же иначе? Если не позаботишься, то волны плодородный слой почвы смоят вместе со всем, что в нем укоренилось. Нырять после этого за новой землей, промывать, выдерживать, доводить до нужной кондиции. И все равно, года два пройдет, прежде чем на грунте, поднятом со дна, «сухие» овощи станут хорошо расти. Ну, в смысле, те, что, кроме как на плотях, больше нигде не встретишь.

Переждав волну, Раф поднялся и побежал к корме второго плота. Бежал он осторожно, стараясь не наступать на грядки, и все же разок плот качнуло так, что он упал. Хорошо еще, что руки успел выставить. Но один или два огуречных куста оказались раздавлены. Добежав до кормы, где находились клетки с возмущенно кричащими утками, Раф схватил подвешенный на углу поручня якорь и, размахнувшись что было сил, кинул его за борт. Не дожидаясь, когда якорь зацепится за грунт, Раф перебежал на другой край плота и кинул за борт второй якорь.

Именно так следовало действовать, чтобы во время шторма удержать связку из двух плотов на краю Мелководья. Если попытаться сначала затормозить идущий впереди базовый плот, то связку развернет, и второй плот, если не перевернется и не оборвет удерживающий его канат, потащит базовый за собой так, что самый лучший якорь не удержит.

Движение плотов замедлилось. Но все же шторм еще пытался стащить связку на Глубину.

Раф по возможности быстро вернулся на базовый плот и сбросил за борт еще два якоря, по одному с каждого борта. Теперь можно было надеяться, что связка стоит на месте. Но именно что только надеяться, поскольку среди вскипающих волн, растворивших в себе горизонт, не имея перед глазами никаких других ориентиров, трудно понять, стоишь ли ты на месте или все еще медленно движешься вперед. На Глубину. Лучше об этом вовсе не думать.

Переместившись по правому борту поближе к носовой части плота, Раф еще раз пристально взгляделся в серый полумрак, который вскоре обещал превратиться в непроглядную тьму. Снесенный на Глубину плот находился на том же месте, что и прежде. И расстояние до него почти не изменилось, – чуть больше ста метров.

Можно было рискнуть.

Да что там! Стоило рискнуть!

Если даже это один из вспомогательных плотов, выручить за него можно столько, чтобы лет на пять поставить свой плот на якорь в тихой заводи и напрочь позабыть обо всех делах. Вот она, мечта плотогона, прыгает на волнах всего-то в сотне метров от тебя. Только доплыви и возьми.

Раф освободил зажимы, удерживающие у стены жилой надстройки гладкую, хорошо оструганную и отполированную доску, по форме похожую на большой пальмовый лист, с выступающим килем. Такими досками пользовались для плавания плоскоглазые. Люди переняли у них способ плавания на досках, но все равно догнать на доске плоскоглазого ни разу не удалось ни одному человеку. Оно и понятно, – у плоскоглазых-то перепонки, что на ногах, что на руках, а значит, и загребают они сноровистее. Вот только в шторм плоскоглазые не плавают. Они вообще не любят непогоду. Стоит только тучам небо затянуть, как плоскоглазые забиваются в свои дома, укрытые под плывущими деревьями, и носа оттуда не кажут, пока снова солнце не выглянет.

Для начала Раф проверил, хорошо ли закреплен фал на поясе и легко ли разматывается катушка. Кепку Раф снял и повесил на крючок под узким скатом крыши жилой надстройки. Затем он продел ногу в петлю короткого линька, тянувшегося от доски, – это чтобы плавсредство свое не потерять, – откинул одну из секций поручня по правому борту, прижал доску к груди и, коротко разбежавшись, прыгнул в бушующее море.

Волна сразу же подхватила доску, на которой лежал человек, и выбросила ее вверх. Работая ногами и руками, Раф развернул доску в ту сторону, где плясал на волнах ничейный, как он полагал, плот, и поплыл, загребая изо всех сил.

Прежде Рафу не доводилось плавать на доске в шторм. Не было повода. Оказалось, что огромных усилий для этого не требовалось. Почти то же самое, что плыть по спокойной воде. Вся разница в том, что нужно подлаживаться под ритм волн и стараться не терять из виду цель, до которой надо добраться. Потому что, если промахнешься, то назад вернуться будет ох как не просто. Придется против ветра и волн выгребать.

Но сейчас об этом лучше было не думать. Так же, как и о том, что под тобой холодная бездна, кишашая омерзительными тварями, для которых люди названий не придумали, а плоскоглазые даже и не знали об их существовании, потому что никогда сюда не заплывали.

Хорошо еще, что вода была теплая. Если бы шторм гнал воду с Глубины на Мелководье, то могла бы прийти и такая, в которой через пару минут мышцы сводить начинает.

Раф греб, как заведенный. Точно как гребной механизм, который с полгода назад демонстрировал Отциваннур. Раф как раз за день до этого причалил свою связку к Квадратному острову. Ну, и конечно же, пошел посмотреть на новую игрушку Отци. Зрителей собралось немного, и большинство из них были детьми. Но Отци это не смущало. Присев на корточки на краю тростникового настила, он поставил на воду небольшую модель плотика, с двух сторон которого были установлены вертушки с лопастями. Вертушки соединяли два крепко перекрученных шнурка. В центре между шнурками был вставлен штырек с металлическим грузиком на более длинном конце. Опуская плотик на воду, Отци придерживал штырек пальцем. И, как только он отпустил его, штырек начал крутиться, расплетая шнурки, а те в свою очередь заставили крутиться вертушки по краям плота. И игрушечный плот поплыл! И как поплыл! Прыгнувшие в воду, чтобы поймать уплывающую игрушку, дети могли бы и не догнать его. Да только шнурки быстро расплелись, вертушки перестали крутиться, и плот остановился. Отци предлагал любому, кто снабдит его необходимыми материалами, установить такой же механизм на большом плоту. Желающих не нашлось. На Квадратном острове Отци слыл чудаком, хотя и безобидным.

Неожиданно Раф увидел угол поднятого волной плота, нависший у него над головой. Чтобы избежать удара, Раф соскользнул с доски и нырнул под воду. Не двигая ногами, чтобы не запутаться в тянущемся от пояса фале, Раф изогнулся всем телом, как рыба-змея, и выныр-

нул на поверхность, уже держа в руке увесистый железный крюк с рукояткой в тростниковой оплетке. Унесенный на Глубину плот находился на расстоянии вытянутой руки, и, размахнувшись как следует, Раф всадил крюк в его край. Удар получился хороший, и все равно жало крюка вошло в край чужого плота всего на пару сантиметров. Раф довольно ухмыльнулся, – плот таки оказался пластиковым!

Подтянувшись на крюке, Раф свободной рукой ухватился за бортовой поручень.

Чтобы отдохнуть, нужно сделать три глубоких вдоха. Получилось только два, – на третьем в лицо ударила волна. Выплюнув горько-соленую воду, Раф взмахом головы откинул с лица мокрые волосы и, подтянувшись, закинул свободную ногу на плот. Упершись в выступ на краю борта, он подтянул другую ногу, ухватился рукой за привязанный к ней линь и вытянул из воды плавательную доску. Привязав доску к поручню, Раф поднялся на ноги и осмотрелся.

Ни единой живой души на плоту не было. Чтобы убедиться в этом, Раф даже не стал заглядывать в жилую надстройку. Глупо сидеть, забившись в угол, когда твой плот сносит на Глубину. На месте хозяина плота Раф, наверное, кинулся бы в воду, чтобы попытаться вплавь добраться до Мелководья. Хотя шансы, конечно, были бы невелики. С другой стороны, Раф был не настолько глуп и беспечен, чтобы оказаться на месте человека, чей плот снесло на Глубину.

Раф переместился поближе к корме. Естественно, катушки для фала со стопором и тремя режимами перемотки, капитально закрепленной на чугунной станине, как это было сделано на его плоту, на чужом не оказалось. Катушку соорудил по просьбе Рафа все тот же неумный Отциваннур. Внутри Отци вставил хитроумную пружину, которая не позволяла резко дергать фал, но и не давала ему провисать. И, надо сказать, Раф ни разу не пожалел о том, что отдал Отци за работу большую корзину морских раков и десятков свежих огурцов. На чужом плоту имелся лишь тяжелый деревянный ворот, на который был намотан якорный канат. Якорь – неровно обтесанная гранитная глыба с вбитыми в нее деревянными клиньями – лежал рядом с воротом, – лишнее свидетельство того, что хозяин-растяпа прозевал, когда его плот снесло на Глубину. А, может быть, его в тот момент и на плоту не было? За рыбой нырял или на тростниковой лодке отплыл по какой-то своей надобности? Все равно непонятно, почему плот на якорь не поставил? Да, ладно, какая теперь разница! Теперь плот принадлежал Рафу, и оставалось только решить вопрос, как доставить его на Мелководье.

Якорь на Глубине без надобности. Раф оттащил гранитную глыбу в сторону и освободил ворот от якорного каната. Отвязав от пояса фал, Раф закрепил его на воротах и стал осторожно поворачивать ручку. Тяжелая деревянная колода совершила два полных оборота, и фал натянулся. Натянулся так, что казалось, тронь его пальцем – зазвенит. Знак хороший – Рафова связка плотов крепко стояла на якорях. С другой стороны, полная длина фала составляла сто тридцать три метра, а, значит, до Мелководья было немногим меньше. И ежели фал, в принципе не предназначенный для транспортировки плотов, оборвется, то Раф получит возможность лично убедиться, можно ли пересечь Глубину и снова вернуться на Мелководье? Вопрос, конечно, интересный, но не настолько, чтобы самому обрезать фал.

Держась за ручку ворота, Раф глянул за борт. Корма плота была слегка притоплена, – течение и ветер, объединив усилия, тащили плот на Глубину. Шторм, не так давно начавшийся, мог затянуться не на один день. В конце концов, либо фал оборвется, либо оставленную на Мелководье двойку утянет на Глубину. Значит, нужно потихоньку, не спеша, вытягивать найденный плот на Мелководье, где можно будет как следует его заякорить.

Раф надавил на ручку ворота и осторожно, очень осторожно, почти что нежно, повернул ее на пол-оборота. Скрипнул прилипший к мокрому дереву фал. Замечательно, – расстояние до Мелководья сократилось на тридцать сантиметров.

Не ослабляя давления на ручку, стараясь не делать рывков, Раф продолжал медленно вращать ворот. Ему казалось, он сам всеми своими нервами чувствует колоссальное напряжение натянутого фала. Раф вздрагивал, когда ему чудилось, что лопалась одна из ниточек, вплетенных в основу фала. А может быть, это была вовсе не иллюзия? Не обман чувств? За годы плавания по Мелководью Раф научился ощущать себя единым целым со своим базовым плотом. Иначе на Мелководье не выжить. Особенно одиночкам, вроде Рафа, не желавшим ставить плоты на прикол у Квадратного острова. Сейчас фал был пуповиной, связывающей Рафа с плотом, который он покинул.

Вода сплошным потоком низвергалась с небес, так что невозможно было разглядеть заякоренную на Мелководье связку плотов. Здесь всегда так – либо мелкий, ласковый дождик на пять-десять минут, либо ливень на несколько часов, после которого даже в Тростниковой заводи весь тростник оказывается поломанным, к воде прибитым. Да и ладно бы, Раф и без того знал, что плоты на месте. И все, что на них, останется в целости и сохранности. По крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, что хозяин за своим добром уже не вернется. На Мелководье никто чужого не брал. Потому что спрятать украденное добро негде. И никто даже на барахолке вещь не обменяет до тех пор, пока не будет уверен, что она является собственностью продавца. Беспокоила Рафа только судьба грядок. Если ливень смывает пальмовые листья, то и грунт стечет за борт. А вместе с ним и саженцы, и уже зреющие в земле овощи... Да, это будет беда. Раф только и думал о том, что, добравшись до плотов, нужно будет первым делом огород проверить. Жалко будет, если помидорные грядки смывает. Да и кабачки жаль, через неделю можно урожай собирать.

К тому времени, когда Раф намотал на ворот метров тридцать фала, порывистый ветер с Мелководья почти стих. Опытному плотогону было ясно, что это только затишье перед новым, еще более мощным шквалом. Но Раф надеялся, что до начала следующей фазы шторма он успеет причалить найденный плот к своей двойке и как следует заякорить его.

Раф начал чуть быстрее, чуть увереннее вращать ручку ворота. При этом он не почувствовал дополнительного напряжения фала. Значит, можно было еще немного добавить усилий.

Вот так...

Плавно, ровно...

Очень хорошо...

Больше половины фала уже было намотано на барабан ворота. Раф чувствовал, стоит только ладонью прикрыть глаза от струй дождя, хлещущих по лицу, точно связка вымоченного тростника, как увидишь пару плотов, заякоренных на краю Мелководья. Но он боялся даже одной рукой отпустить ручку ворота. Нет уж, лучше подождать. Чего-чего, а терпения Рафу было не занимать. Он, случалось, по три-четыре часа сидел неподвижно на краю плота под палящим солнцем, выжидая момент, когда можно будет наверняка всадить гарпун в спину стремительно и безмолвно, точно призрак, скользящего у самого дна пятнистого ската. Мясо ската на вкус, как резина, зато шкура замечательная. За хорошую шкуру большого пятнистого ската плоскоглазые пару корзин угля дают. А без угля на плоту и еды не приготовишь, и воды не вскипятишь, и в холодную ночь не согреешься...

Да...

А в жилой надстройке Рафова плота, зажатый в специальном крепеже, чтоб не опрокинулся, стоял сейчас чайник со свежесваренным настоем водного хмеля. Название «водный хмель» люди придумали. Плоскоглазые эти водоросли с плотными зелеными шишечками соцветий, растущие в тех местах, где до дна не больше полуметра, а значит, вода хорошо прогревается, как-то по-своему называют. Кто именно придумал название «водный хмель» и что само по себе слов «хмель» означает, теперь уже никто не помнил. Да и не все ли равно, какое название использовать. Главное, если залить кипятком предварительно высушенные и

слегка обжаренные на противне шишечки этих водорослей, то получается изумительный по вкусу напиток, бодрящий и придающий мысли остроту. Настой водного хмеля, что приготовил Раф незадолго до того, как увидел дрейфующий на Глубине плот, уже остыл, конечно, но долго ли его разогреть? А потом сесть у большого глиняного чана, в котором по углям скачут голубоватые язычки огня, взять обеими руками кружку с горячим хмелем, сделать первый, совсем небольшой глоток, закрыть глаза, затаить дыхание и, замерев, слушать, как яростно колотит по крыше дождь, будто в гости напрашивается, чтобы тоже горячего питья отведать. А осмотреть найденный плот можно и потом, когда шторм закончится.

Раф мысленно был уже на своем плоту. Поэтому он едва не выпустил ручку ворота, когда над самым ухом кто-то негромко произнес:

– Эй... – И на плечо ему легла рука.

Глава 2

Первым делом вспомнилась почему-то легенда о кровопийцах из Глубины.

«Холодно. Холодно в Глубине. Так, что кровь в жилах стынет и сердце в груди останавливается. Поэтому, чтобы жить, кровопийце нужна горячая кровь живого. Обернувшись скатом, неслышно подплывает он ночью к плоту и, дождавшись, когда хозяин уснет...»

Никогда же прежде в эти сказки не верил! Посмеивался, когда, бывало, кто-то из компании, собравшейся ночью возле чана с углями, таинственно приглушив голос, начинал рассказывать о кровопийцах из Глубины или о девах-змеях, прячущихся в зарослях тростника в ожидании, когда неосторожный плотогон ступит в воду, чтобы тростника нарубить, и вот тогда...

– Что ты делаешь на моем плоту?

Голос негромкий, севший, чуть хрипловатый. Как у слегка простуженного человека. Или как у старика.

Вцепившись в рукоятку ворота, как утопающий, наконец-то поймавший брошенную ему веревку, Раф медленно обернулся.

За спиной у него и в самом деле стоял обычный старик. Выглядевший, как нормальный кровопийца. Худющий, с острым носом, впалыми щеками и глубоко провалившимися глазами. Волосы длинные, седые, спутанные. Борода им под стать – развевалась бы на ветру, если бы не была мокрой. Из одежды на старике только короткий, распахнутый на груди жилет из кожи вонючей лягушки и шорты до колен из того же материала – проще только голым ходить. Старик стоял неподвижно, смотрел широко раскрытыми глазами на Рафа. Ну точно призрака увидел.

Раф первым пришел в себя.

– Руку убери, – произнес он негромко, так, чтобы только перекрыть шум дождя.

Помедлив секунду-другую, старик опустил руку, которой держал Рафа за плечо.

– Твой плот? – спросил Раф.

– Мой, – уверенно ответил старик.

– И за какой же гнилью ты в шторм на Глубину заплыл?

Старик сосредоточенно сдвинул мохнатые брови. Провел ладонью по мокрым волосам.

– А тебе что за дело?

Плот подбросило на волне.

Взмахнув беспомощно руками, старик полетел к правому борту.

– Да что б тебя, плесень мокрая! – в сердцах выругался Раф.

Отпустив одной рукой рукоятку ворота, он поймал падающего старика за полу распахнутого жилета.

Старик все же не удержался на ногах и упал на колени.

– Поднимайся, долбень! – прикрикнул на него Раф. – За борт смает!

Старик тяжело поднялся на ноги, сделал шаг вперед и ухватился за бортовой поручень.

Только сейчас Раф обратил внимание на то, что на поясе старика нет страховочного фала.

Может быть, это самоубийца, мелькнула в голове у Рафа мысль, не сказать чтобы очень уж оригинальная, но при том и не глупая вовсе. Решил старик с жизнью покончить, дождался шторма и пустил свой плот на Глубину. А тут, совсем, надо сказать, ни к месту, объявился спаситель. Что, ежели он теперь и Рафа следом за собой утащить решит? Для этого ведь достаточно фал обрубить. Старик как раз рядом стоит. И, ежели у него в кармане нож складной...

Старик обернулся и посмотрел на Рафа не то с подозрением, не то с интересом, – поди разбери, когда полумрак и струи дождя, точно занавес.

– Куда мы движемся? – спросил старик.

– На Мелководье, – Раф подбородком указал в сторону, куда уходил натянутый фал. – Там мои плоты заякорены.

Старик одобрительно кивнул и снова повернулся к Рафу спиной.

Вот же плесень гнилая, подумал Раф. Ежели топиться не собирался, так мог хотя бы поблагодарить нежданного спасителя. А то вроде как так и должно быть. Вроде как работа у Рафа такая – в шторм чужие плоты с Глубины вытягивать.

Но на душе у Рафа полегчало, и он снова принялся вращать рукоятку ворота. Одновременно он обдумывал юридический казус, который сам же и создал. С одной стороны, он завладел плотом, который, не окажись он рядом, непременно унесло бы на Глубину. Значит, плот переходил в его собственность. С другой стороны, хозяин плота был не только жив и невредим, но и, как оказалось, не покидал своего плота. Выходит, плот нельзя считать потерянным или брошенным. Так кому же он теперь принадлежит? Рассмотрев ситуацию с разных сторон, Раф пришел к выводу, что самое большое, на что он может рассчитывать, это на благодарность владельца плота. Но, судя по одежде старика, тот влачил полунищенское существование. И взять с него, скорее всего, было нечего. Разве что жилет из кожи вонючей лягушки, который и задаром никому не нужен.

Раф посмотрел на спину старика. Тот стоял, держась руками за бортовой поручень. Седые мокрые волосы трепал ветер. Казалось, старик что-то высматривал впереди, за пеленой дождя. А что там было высматривать? Раф уже и сам видел свою пару плотов.

Странно, подумал Раф, почему он раньше не встречал этого старика? На Квадратном острове и вокруг него живет не так много людей. Все друг друга в лицо знают. Есть, конечно, и отшельники, живущие сами по себе, спрятав плоты в камышах или в тростниковых зарослях. Да только не так уж их много, по пальцам сосчитать можно. И даже их, по крайней мере, по именам-то знают. И ежели спасенный Рафом старик из них, из отшельников, то, выходит, он...

– Меня зовут Виираппан, – не оборачиваясь, назвал свое имя старик.

Виираппан. Да, это имя Рафу доводилось слышать. И не раз. Одни насмешливо называли старика-отшельника полоумным Вииром, другие почтительно именовали учителем Виираппаном. Одни говорили о том, что именно он придумал использовать настой из листьев зап-запа для обезболивания, другие тут же вспоминали, что он же утверждал, будто бы регулярное употребление небольших порций настоя зап-запа просто так, без каких-либо медицинских показаний, способствует расширению сознания. Одни восхищались учением Виираппана о принципиальной непознаваемости мира, другие смеялись над его теорией о том, что мир Мелководья изначально принадлежал плоскоглазым, а не людям. А чего стоила попытка Виираппана составить словарь языка плоскоглазых! Эта тема долго обсуждалась на Квадратном острове. Идея и в самом деле выглядела более чем странной. Если, конечно, это была правда, а не чья-то глупая шутка.

Старик посмотрел на Рафа. Подцепив пальцами, убрал прилипшую к лицу седую прядь волос. Провел ладонью по бороде.

– Ты до сих пор не назвал своего имени, – произнес он, вроде как с укоризной даже.

Раф усмехнулся.

Ну, понятное дело! Забрался незванным на чужой плот. Буксирует его неизвестно куда. И при этом даже не представился.

– Раф, – сказал и тут же сам себя поправил: – Раффаттан.

Старик задумчиво постучал пальцами по поручню. У него был такой вид, будто он не понимает, где находится. Не видит, что вокруг море бушует, с неба льет, как из прохудив-

шегоса чана, волны то и дело через палубу перекатываются. Одно из двух, подумал Раф: либо ему действительно абсолютно все равно, что с ним происходит, либо старик с перепугу хлебнул как следует настоя зап-запа и сознание его расширилось настолько, что теперь он не является частицей мироздания, а сам вмещает в себя целый мир вместе с беснующимися волнами и мотающимся на этих волнах плотом.

– Я прежде не слышал твоего имени, – сообщил Рафу старик.

Раф сделал вид, что страшно удивлен:

– Да быть такого не может!

Старик еще немного подумал.

– Определенно, имя твое мне не знакомо... Чем ты занимаешься?

– Чужие плоты с Глубины вытаскиваю, – ответил Раф.

Старик воспринял его насмешливый ответ всерьез.

– Что ж, весьма похвальное занятие, – одобрительно наклонил он кудлатую голову. – Но я не это имел в виду...

– Давай чуть позже поговорим о том, что ты имел в виду, – перебил старика Раф. – Сейчас я должен причалить твой плот к своей связке.

– Да-да, конечно, – не стал спорить старик.

Раф не рискнул сразу вплотную подводить плот Виираппана к своему. Застопорив рукоять ворота, он пролез под бортовым поручнем, взялся за него одной рукой и, дождавшись, когда нос Виираппанова плота приподнялся, перепрыгнул на свой. Здесь он первым делом натянул на голову кепку с козырьком, чтобы дождь глаза не заливал. Затем снял с крюка прочный травяной канат и кинул конец Виираппану.

– Закрепи!

Старик кивнул и принялся за дело.

Раф перебросил канат через стойку на корме плота и, упершись ногами в бортовой брус, стал медленно подтягивать плот Виираппана.

Как и рассчитывал Раф, чужой плот немного развернулся и уперся носовой частью в угол базового плота. Зафиксировав канат, Раф схватил другую веревку, перепрыгнул на плот Виираппана, добежал до кормы и там закрепил конец веревки на стойке бортового поручня. Вернувшись на базовый плот, Раф перебежал на дополнительный и там перекинул веревку через якорную тумбу. Теперь, когда одна из веревок была закреплена на носу спасенного плота, а другая – на корме, Раф мог заставить плот двигаться в нужном ему направлении.

Около часа ушло на то, чтобы причалить плот Виираппана к корме Рафова дополнительного плота. Ставить спасенный плот по борту было небезопасно. Слишком уж ненадежный был у него якорь, и в случае резкой перемены ветра всю связку могло снести на Глубину. В солнечную погоду такая работа заняла бы не более пятнадцати минут. Но вязать мокрые веревки на мокрое дерево – занятие не из простых. Мало того, что веревка все время норовит из рук выскользнуть, так еще и узлы, казалось бы, надежно завязанные, распускались на раз, как бантики в косичке.

В десятый раз проверив все крепежи, Раф наконец-то сказал себе: «Все!» Теперь, если что-то и случится, то винить в этом можно будет кого и что угодно – тупое провидение, несуществующих кровососов из Глубины, неведомых древних богов плоскоглазых, на худой конец, просто злую судьбу, но только не Рафа! Он свою работу выполнил безупречно.

И только убедившись в этом, Раф выпрямил спину, поправил кепку на голове и окинул взглядом огород.

К вящей радости плотогона, с огородом все было в порядке. В двух местах ветер отогнул прикрывающие грядки пальмовые листья, но не более того, до земли ливень не добрался. Вот что значит рачительный хозяин.

Что и говорить, таких основательных людей, как Раф, на Мелководье надо еще искать. Другой бы на его месте, убедившись, что в целом все в порядке, пошел бы в надстройку у огня греться да хмелек попивать. А Раф еще прошелся вдоль грядок, листья где надо поправил, в двух местах камни, прижимавшие их, получше уложил. Вот теперь все было как надо.

Страхнув воду с козырька кепки, Раф глянул в сторону плота Виираппана. Он не видел старика с той минуты, как причалили плот. Должно быть, сидит в своей надстройке, греет старые кости. Вообще-то Раф уже сделал для старика больше, чем сделал бы на его месте кто-либо другой. И все равно Раф чувствовал себя неуютно. Непонятно даже, с чего вдруг? Кто ему этот старик? Как только кончится дождь, их плоты расплывутся в разные стороны. И вряд ли когда они снова увидят друг друга. Старику ведь недолго уже осталось на своем плоту по Мелководью плавать... А что, если у старика даже угля нет, чтобы огонь развести?

Добравшись до кормы, Раф ухватился за поручень.

– Эй, на плоту!

Ему никто не ответил.

– Эй!.. Виираппан!

Из-за приоткрывшейся двери надстройки высунулась всклокоченная голова старика.

– Да! Да! Я сейчас! – крикнул Виираппан в ответ и снова скрылся из виду.

Вот так. Конкретно. Будто его уже в гости позвали.

Раф не успел еще решить, стоит ли ждать старика, как Виираппан вышел под дождь. Одежда на нем была все та же, а на плече висела большая, сплетенная из тростника сумка. Добравшись до поручней, старик молча протянул сумку Рафу. Раф также молча сумку принял, помог старику перебраться на вспомогательный плот и повел его к базовому.

Сумка, хотя и была плотно набита, почти ничего не весила. Раф не страдал излишним любопытством, и все же ему стало интересно, что решил прихватить с собой старик? Явно это были не еда и не уголь, с которыми принято ходить в гости. На смену одежды тоже не похоже. О железных кругляшах, которые скаредный старикашка боится на пустом плоту оставить, и вовсе речи быть не могло. Да и не был Виираппан похож на скрягу.

Перебравшись через второй поручень, Раф и Виираппан оказались на базовом плоту. И тут только Раф вспомнил, что оставил на плоту старика свою плавательную доску. Ну, да ладно, за ней можно позже вернуться.

Раф пропустил старика в надстройку, сам вошел следом и плотно прикрыл дверь.

Все, теперь он был дома. За стенами могла неистовствовать буря, а здесь, в надстройке было тепло и сухо. Сладко пахло старой одеждой, невыделанной рыбьей кожей и настоем водяного хмеля.

Увы, Раф забыл о том, что Виираппан не мог ориентироваться в его надстройке так же хорошо, как хозяин. С грохотом что-то рухнуло на пол. Звякнула разбившаяся посуда.

– Не двигайся! – вытянув руку в темноту, крикнул Раф.

Не хватало только, чтобы старик расколол чан для огня, чайник с настоем опрокинул или флягу рыбьего жира разлил.

– Хорошо, – спокойно ответил из темноты старик.

Бросив на пол сумку Виираппана, Раф уверенно сделал два шага влево, протянул руку, коснулся пальцами стоявшего на полке масляного светильника и взял лежавший рядом кожаный мешочек со сверкающими стержнями. Достав стержни из мешочка, Раф с нажимом провел одним по другому. Одна из вспыхнувших искорок села на кончик фитиля светильника. Раф осторожно подул на фитиль. Искорка разрослась, покраснела. Раф дунул еще раз, и на кончике фитиля затеплился слабый огонек.

Дав огню разгореться, Раф поднял светильник за ручку и осмотрел помещение.

Виираппан стоял возле закрытого ставней окна, сложив руки на впалом животе. Разгром, учиненный стариком, оказался не так уж велик. Он всего-то опрокинул стойку с вялеными рыбьими спинками и расколол глиняную миску.

– Извините, – сказал, глянув на осколки миски, старик. – Я не думал, что тут так тесно. Тесно?

Удивленным взглядом Раф обвел помещение. Лежак у дальней стены, маленький круглый напольный столик, полка с посудой, пара мешков с припасами и полупустая корзина с углем в углу, чан для огня, две бухты новой травяной веревки, два багра, еще кое-какая мелочь. Вроде бы, ничего лишнего.

– Присаживайся, – Раф указал на лежак.

Старик занял предложенное ему место.

– Спасибо.

Скрестил ноги, ладони положил на колени.

Раф взял с полки мягкую, хорошо размятую мочалку из мелкой травы и кинул ее на колени старику, чтобы тот обтерся.

Скинув одежду, Раф взял другую мочалку, как следует обтер тело и просушил волосы. Оставаться мокрым нельзя. Простуда была самым страшным, что могло случиться с человеком на Мелководье. Ну, если, конечно, исключить возможность того, что тебя унесет на Глубину.

Бросив мокрую мочалку в корзину для грязного белья, Раф посмотрел на Виираппана. Старик так и сидел на лежаке, скрестив ноги и вперив взгляд в пустоту.

– Эй, – негромко окликнул старика Раф.

Тот даже не глянул в его сторону.

Раф подошел ближе и провел рукой перед лицом Виираппана.

Никакой реакции. Взгляд у старика был, как у мертвого.

Пожав плечами, Раф кинул в чан три куса каменного угля, немного сухого тростника и начал разжигать огонь.

Когда огонь разгорелся, Раф установил в чане металлическую решетку и поставил на нее чайник с отваром водяного хмеля.

Пока отвар разогревался, Раф сидел на корточках возле огня и периодически посматривал то на чайник, чтобы хмель не убежал, то на Виираппана, чтобы удостовериться, что старик все еще дышит.

Чайник закипел.

Схватив подвернувшийся под руку обрывок циновки, Раф снял чайник с огня. На столике уже стояли две чашки из белой обожженной глины. Разлив хмель по чашкам, Раф снял со стойки спинку вяленой рыбы, помял ее пальцами, чтобы убедиться, что мясо дошло, положил на столик и нарезал узкими полосками.

Можно было приступать к трапезе. Но есть одному, когда рядом сидел гость, хотя и не совсем званый, было все же неудобно.

– Уважаемый, – наклонившись вперед, Раф одной рукой уперся в пол, а кончиками пальцев другой тихонько, можно сказать, деликатно постучал по острой коленке старика. – Виираппан...

Все так же тупо пялясь в пустоту, старик приподнял кисть правой руки и показал Рафу палец. Указательный.

Что бы сие могло означать?

Можно было предположить, что таким образом старик предлагает хозяину откусать одному. В то же время, жест Виираппана мог означать, что он просит всего минуту подождать.

Раф озадаченно почесал затылок.

Ну, что ж...

Раф взял со столика чашку и сделал глоток.

Многие считают, что хмель следует пить сразу, как приготовишь отвар. Раф на сей счет придерживался иного мнения. Надо понимать, что чем дольше стоит отвар, тем насыщеннее и ярче становится вкус хмеля. А при повторном кипячении он приобретает дополнительные, не свойственные ему изначально оттенки. Нравился Рафу и холодный хмель. В жаркий день он, случалось, намеренно оставлял чайник с хмелем в теньке. Конечно, всему следует знать меру, – хмель, постоявший три дня, придется вылить.

Раф взял полоску рыбьей спинки и откусил кусочек. Ничего получилось. В меру соленая, не пересушенная.

Виираппан посмотрел на Рафа и улыбнулся.

Раф помахал ему в ответ рыбкой.

Заметив у себя на коленях мочалку, Виираппан отложил ее в сторону. Теперь она была ему ни к чему – борода и волосы и без того уже почти высохли. Старик посмотрел на столик, но ничего с него не взял. Переплетя пальцы рук, он положил их на колени.

– Я должен поблагодарить тебя за мое спасение, уважаемый Раффаттан.

Раф безразлично дернул плечом, – благодари, мол, если считаешь нужным. А про себя подумал, старик-то, однако, не склеротик – Раф имя свое всего раз произнес, а он запомнил.

– Твой поступок, – продолжал между тем старик, – свидетельствует не только о мужестве, но и о благородстве. Не всякий бы на твоём месте стал рисковать собственной жизнью ради спасения чужой.

– Я думал, плот пустой.

Раф откусил кусок рыбы, пожевал и запил хмелем.

– А-а...

В явной растерянности Виираппан пошевелил пальцами.

Раф усмехнулся.

– Угощайся, – указал он на чашку с хмелем и рыбу.

– Спасибо. – Виираппан взял чашку, сделал глоток. – Ты замечательно готовишь хмель.

Раф молча кивнул – сам знаю.

Старик в один присест выпил всю чашку и поставил ее на столик. Раф взял чайник, стоявший, чтобы не остывал, возле чана для огня, и снова наполнил чашку Виираппана.

– Не бери в голову, – сказал Раф, понимая, насколько неловко чувствует себя старик. – Ну, вытащил я твой плот, значит, вытащил. Что теперь? – Он помахал полоской рыбьего мяса. – Всяко бывает. Я на твой плот не претендую.

– Да? – удивленно приподнял седую бровь старик.

Видно, он тоже неплохо знал законы Мелководья и понимал, насколько щекотлива и неопределенна ситуация, в которой он оказался по воле своего спасителя.

– Забудь, – еще раз махнул полоской мяса Раф. – Как шторм кончится, расплывемся в разные стороны.

– Да-да, – дважды кивнул старик. – Расплывемся... Но, может быть, я все же могу что-то для тебя сделать?.. Как-то отблагодарить?..

Виираппан растерянно и беспомощно, совершенно по-детски развел руками.

Раф впился зубами в вяленую рыбу, а про себя усмехнулся. Интересно, к какому делу можно было бы приставить старика, чтобы он свой должок отработал? Разве что только сеть латать. Да и то вопрос, умеет ли?

– Расскажи, как ты на Глубине оказался? – Раф взял чайник и подлил себе в чашку хмеля. – Ведь не нарочно же ты туда заплыл?

Виираппан провел ладонью по бороде и неожиданно улыбнулся:

– Можно сказать, что и нарочно.

Раф оторвался от рыбы и непонимающе посмотрел на старика. На сумасшедшего вроде бы не похож.

– Это как же понимать? – спросил Раф.

– Ты никогда не задумывался, почему на Глубине вода соленая, а на Мелководье пресная? – задал встречный вопрос старик.

– Задумывался, – кивнул Раф.

– И – что?

– И ничего, – Раф развел руками. – Загадка природы, не подвластная человеческому уму.

Раф всего лишь повторил фразу, услышанную как-то раз от Упаннишшура, весьма уважаемого человека на Квадратном острове. Сказана она была совершенно по иному поводу, но понравилась Рафу, и он запомнил. Старик же, услышав Рафов ответ, рассмеялся так, что едва на лежак не упал. Пришлось ему, откинувшись назад, в лежак руками упереться. А спрашивается, чего смешного?

Отсмеявшись, старик снова сел прямо. Случайно ему под руку подвернулась оставшаяся сухой мочалка. Виираппан взял ее и промокнул выступившие на глазах слезы.

– Прости, – сказал он, заметив, с какой обидой смотрит на него Раф. – Нет ничего постыдного в незнании. Более того, я тоже склоняюсь к мысли, что основополагающие законы мироздания по сути своей непознаваемы. Но мне смешны попытки сакрализации элементарных вещей. Конечно, это проще, чем искать ответ. Но, видишь ли, уважаемый Раф-фаттан... – Старик пощелкал пальцами, подбирая нужное слово. – В общем, я не люблю, когда простое пытаются делать сложным. И наоборот.

Раф ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

– Так все же, почему вода на Мелководье пресная? – спросил он.

– Вода на Глубине не только более соленая, чем на Мелководье, но и более плотная из-за растворенных в ней солей. Более теплая вода всегда оказывается наверху, а холодная опускается вниз. Таким образом на границе между Глубиной и Мелководьем пресная вода как бы наслаивается на соленую. То есть, вода с Мелководья уходит на Глубину, а не наоборот. Как видишь, – Виираппан слегка развел руки в стороны, – все очень просто.

– Тогда выходит, что и на Глубине вода со временем станет пресной? – сделал вполне закономерный, как ему казалось, вывод Раф.

– Нет, – отрицательно качнул головой Виираппан. – Вода постоянно испаряется с поверхности моря, и концентрация солей остается прежней.

– Откуда тебе это известно? – прищурившись, не то подозрительно, не то с интересом посмотрел на старика Раф.

– Я умею наблюдать, анализировать и делать выводы, – едва заметно улыбнулся Виираппан.

– Другие, выходит, этого не умеют? – с сомнением наклонил голову Раф.

– Раф, мальчик мой, ты и представить себе не можешь, насколько скучны и нелюбопытны большинство людей. Их вполне устраивает то, что мир вокруг них пребывает в неизменном состоянии, – изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год... А, раз так, то его и не требуется понимать. То, что с монотонным однообразием повторяет само себя, достаточно воспринимать как данность, как кольцо, у которого нет ни начала ни конца.

Раф не во всем был согласен с Виираппаном, но решил пока не возражать. Старик говорил интересные, хотя и не совсем понятные вещи. Такое редко от кого услышишь. Да что там редко, – старик прав, никому нет дела до того, почему в мире все происходит именно так, а не иначе. Да и самому Рафу все это, по большому счету, по фигу. А все же любопытно. Тем более, что пока за стенами надстройки льет дождь и ветер рвет в клочья небо и бросает волны одну на другую, делать особенно нечего.

– Кстати! – тихонько хлопнул в ладоши Виираппан. – Обрати внимание, мы легко и непринужденно пользуемся такими понятиями, как минута, час, день, месяц, год. Никому не нужно объяснять, что это такое. Но при этом у нас нет инструментов для измерения времени. У нас нет календаря, чтобы отмечать смену дней и лет.

– А зачем? – пожал плечами Раф. – Наступило утро – вот и новый день. Тридцать дней прошло – вот и месяц. Молодой тростник вырос и начал сохнуть – полгода.

– Согласен, – кивнул Виираппан. – В повседневной жизни достаточно определять время на глаз. Любое событие мы воспринимаем, как образ или даже как голую схему. Детали, причинно-следственные связи нас не интересуют. Нам не требуется календарь, потому что у нас нет истории.

– А она нужна? – с сомнением прищурился Раф.

– А как же! – взволнованно и одновременно с досадой всплеснул руками Виираппан. – Как иначе мы узнаем о том, что было до нас? Как передадим будущим поколениям знания о себе?

Раф озадаченно поскреб ногтем щеку – побриться пора.

– К чему все это?

– Ты хочешь сказать, – недоверие прозвучало в голосе Виираппана, – что тебе совершенно безразлично, с чего началась жизнь на Мелководье?

Раф задумался, но лишь на секунду.

– Да, – уверенно ответил он.

– Ха! – Виираппан вскинул руки и звонко шлепнул себя по коленкам.

Похоже, ему больше нечего было сказать.

Раф равнодушно пожал плечами и откусил кусок вяленой рыбы. Да, хорошая получилась партия. За полкорзины такой вяленой спинки на Квадратном острове можно новую куртку выменять.

– Хорошо. – Виираппан снова хлопнул себя по коленке, на этот раз одной ладонью. – Я вижу, с тобой еще рано разговаривать об истории.

Раф с отсутствующим видом еще раз пожал плечами – не очень-то, мол, и хотелось.

– Давай вернемся к тому, с чего мы начали, – предложил старик.

– А с чего мы начали? – озадаченно сдвинул брови Раф.

– Ты спросил, как я оказался на глубине, – напомнил Виираппан.

– Точно, – улыбнулся Раф. – А ты начал рассказывать про соленую и пресную воду.

– Как мы выяснили, – Виираппан выпрямил спину, расправил плечи и сложил руки на коленях, – обычно пресная вода стекает с Мелководья на Глубину. Но когда сильный ветер дует с Глубины, он гонит соленую воду на Мелководье. Такое случается нечасто, обычно перед штормом.

– Верно, – согласился Раф. – Ветер с Глубины – верный признак того, что будет шторм. А значит, нужно уходить подальше и ставить плот на якорь.

– Когда ветер гонит воду с Глубины на Мелководье, случается, что волны приносят с собой очень интересные вещи.

– Вещи? – не понял Раф. – Ты имеешь в виду то, что было смыто с плотов, унесенных на Глубину.

– Нет, – медленно покачал головой Виираппан. – Я имею в виду совсем другие вещи. Странные вещи. Вещи, которых нет, которых просто не может быть в нашем мире.

Глава 3

Раф тихонько посасывал кончик рыбьей спинки и ждал продолжения. Какие еще странные вещи приносят с Глубины волны? О чем говорит этот сам по себе странный старик? У Рафа имелись вопросы, но он не торопился их задавать. Куда спешить, – шторм зарядил не на один день.

Но вместо того чтобы продолжить рассказ о странных вещах, Виираппан пододвинул Рафу свою пустую чашку.

Раф взял чайник, – хмеля в нем оставалось почти наполовину, – и заново наполнил чашки, свою и старика.

Виираппан сделал глоток и блаженно зажмурился. Глядя на него, Раф почему-то подумал, что старик нарочно демонстрирует удовольствие, чтобы хотя бы таким образом отблагодарить хозяина.

Виираппан открыл глаза.

– Замечательный у тебя хмель.

– Я сам его обжариваю, – объяснил Раф. – Добавляю в огонь смолистые веточки.

Старик с пониманием наклонил голову, сделал еще глоток и с видом знатока вытянул губы трубочкой.

– Да, – кивнул он, – чувствуется легкий смолистый привкус.

Виираппан еще отпил хмеля и поставил чашку на столик.

– Так о чем мы? – хитро прищурившись, посмотрел он на Рафа.

Раф едва не усмехнулся, – похоже, старик хотел проверить, насколько внимательно он слушает его историю.

– О странных вещах, которые приносят волны с Глубины, – сказал Раф.

– Верно, – улыбнулся Виираппан. – Это вещи из другого мира.

– А есть другой мир? – спросил Раф.

Просто так спросил, без особого интереса, только чтобы поддержать разговор. Ну, в самом деле, какая ему, Рафу, разница, есть другой мир или нет, если он живет в этом мире, на Мелководье?

– Конечно, – уверенно наклонил голову Виираппан. – И не один!

Проявленный Рафом интерес старик принял за чистую монету. Потому что ему хотелось в это верить. Раф понял, старику не хватало собеседника, которому он мог бы рассказывать свои невероятные истории.

– В Универсуме существуют тысячи миров, и большинство из них населены разумными существами.

– Замечательно, – Раф доел вяленную спинку и потянулся за новой. – И каким же образом вещи из иного мира попадают на Глубину?

– Сие мне пока неизвестно, – с прискорбием развел руками Виираппан. – Но я надеюсь отыскать ответ на этот вопрос. Поэтому меня так притягивает Глубина. Особенно перед штормом...

– Когда ветер гонит волны с Глубины на Мелководье, – закончил за старика Раф.

Виираппан озадаченно приподнял мохнатую бровь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, – с равнодушным видом покачал головой Раф.

Он и в самом деле ни о чем не думал, просто повторил окончание уже слышанной от старика фразы.

– Да, действительно, – Виираппан усмехнулся, быстро провел рукой по лицу и, продолжая движение, по бороде. – Я забыл, что тебя не интересует история.

– Да ладно, – снисходительно махнул рукой Раф. – Рассказывай.

– Перед штормом, поставив плот на якорь на границе между Глубиной и Мелководьем, я высматриваю в воде странные вещи, – сказал Виираппан.

– Наверное, это непросто, – с неподдельно серьезным видом заметил Раф. – Если, конечно, эти вещи не с плот величиной.

Виираппан отыскал взглядом свою сумку и, подцепив пальцами лямку, подтянул к себе.

– Вот что у меня есть.

Старик достал из сумки и протянул Рафу небольшую прямоугольную коробочку с округлыми краями, сделанную из черного пластика. Коробочка оказалась совсем легкой. Раф провел пальцами по поверхности, покрытой неровным рельефным рисунком. Повернув коробочку, он обнаружил на ее торце две небольшие плоские кнопки. Действительно, странная вещь. Ничего подобного Раф прежде не видел. Может быть, старик прав – она действительно из другого мира. Только что с того? Ну, подумаешь, пластиковая коробка...

Протянув руку, Виираппан нажал одну из кнопок на торце коробки. Рядом с ней открылось узкое оконце, забранное почти черным, матово отсвечивающим стеклом.

– Сюда смотри, – пальцем указал в оконце старик.

Раф не без опаски поднес коробку к глазам. Вещь все-таки была странная. А старик, если и знал о ее назначении, то молчал. Наверное, хотел, чтобы Раф сильнее удивился.

Сначала Раф ничего не увидел. Присмотревшись, он смог угледеть лишь неясные тени, плавающие по ту сторону матового стекла. Ерунда какая-то.

– Нажми другую кнопку, – посоветовал Виираппан. – Только осторожно. Держи ее, пока не увидишь.

– Что? – спросил Раф.

– Увидишь, – лукаво улыбнулся старик.

Раф осторожно надавил большим пальцем на кнопку.

Плавающие за оконцем тени стали приобретать резкость и объем. А затем...

Гниль сырая!

Раф едва не вскрикнул от неожиданности, увидев прямо перед собой огромный глаз. Чуть повернув коробку в сторону, он увидел другой глаз, такой же огромный.

Раф опустил коробку и тупо уставился на старика. Точно, его глаза он видел в оконце.

– Ну, как? – поинтересовался старик.

Раф посмотрел на странную вещь, что держал в руках.

– Что это?

– Прибор, позволяющий видеть то, что находится далеко от тебя. Я назвал его дальнотзором. С его помощью я высматриваю в волнах странные вещи.

Раф еще раз очень внимательно осмотрел странную вещь со всех сторон. Да уж, вещь явно не на Мелководье сделана.

– Эта вещь называется не дальнотзор, а бинокль.

Брови старика удивленно взлетели едва ли не к середине лба.

– Откуда ты знаешь?

Рафу и самому хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

– Знаю... – Он смущенно отвел взгляд в сторону. – Просто знаю... – Раф протянул бинокль старику. – Его ты тоже на Глубине нашел?

– Нет, – Виираппан забрал у Рафа бинокль, нажав кнопку, закрыл окошко и убрал странную вещь в сумку. – Дальнотзор я у плоскоглазых выменял. Они нашли его в воде, где-то за Тростниковой заводью.

– Так значит, сегодня ты, – Раф пальцем указал на старика, – поплыл перед самым штормом на Глубину, – он указал пальцем на забранное ставней окно, – потому что увидел в море странную вещь?

Теперь палец Рафа указывал на сумку старика. Он словно бы помогал Рафу думать.

– Точно, – кивнул Виираппан. – Когда ветер погнал волны на Мелководье, я увидел в воде странную вещь.

– И ты поплыл за ней?

– Конечно, – Виираппан посмотрел на Рафа так, будто в самом деле не понимал, как можно задавать такие вопросы.

– Ты мог не вернуться назад.

– Я бы и не вернулся, если бы ты меня не вытащил.

– Ты знал об этом?

– Ну, скажем так, – смущенно улыбнулся Виираппан, – я все же надеялся, что успею вернуться до того, как шторм разгуляется в полную силу.

Раф уперся руками в пол, слегка откинулся назад и, чуть наклонив голову, по-новому посмотрел на своего гостя. Старик-то он, может быть, и старик, но есть в нем внутренняя сила.

– Ты готов был погибнуть ради этой странной вещи?

Виираппан вознес взгляд к потолку и почесал шею.

– Честно говоря, я не думал о гибели. Я вообще не думал ни о чем, кроме странной вещи, танцующей на волнах.

Раф наклонил голову и провел ладонью от затылка к шее.

– А она того стоила? – спросил он, не глядя на старика.

– Суди сам.

Раф поднял голову.

Виираппан протянул руку. На ладони лежал прозрачный шар размером со спелый помидор.

Первое, о чем подумал Раф, увидев странную вещь, – и как только старик ухитрился высмотреть ее среди волн?

Он осторожно взял прозрачный шар двумя руками. А Виираппан все еще продолжал держать ладонь открытой, как будто боялся, что Раф по неловкости выронит шар и тот разобьется.

Раф щелкнул по шару ногтем. Судя по весу и характерному звуку, шар был пластиковый. И, что самое интересное, внутри него находился еще один предмет. Покрутив шар в руках, Раф сумел неплохо его рассмотреть. Странная вещь, находившаяся внутри шара, была похожа на широкий кожаный браслет черного цвета, с шестиугольным медальоном. Медальон украшал ряд выписанных золотом непонятных значков. В центре находилось прямоугольное окошко, разделенное на три ровные ячейки. В каждой ячейке красным огнем горели две цифры: «23» – в первой, «31» – во второй, «14» – в третьей.

Раф еще раз повернул шар в руках, внимательно, со всех сторон осматривая его содержимое. Когда же он вновь посмотрел на светящееся окошко, только число «23» в первой ячейке осталось неизменным. Во второй ячейке горело число «29», а в третьей – «22». Понаблюдав за окошком, Раф отметил, что число в третьей ячейке на глазах изменяется в сторону уменьшения. Дойдя до нуля, число в третьей ячейке превратилось в «59». При этом число во второй ячейке уменьшилось на единицу – «28».

– Ну, что скажешь? – спросил Виираппан, которому не терпелось услышать стороннее мнение о странном предмете, выловленном из штормовых волн.

Раф положил шар на ладонь правой руки, сверху накрыл его ладонью левой, крепко сжал пальцами и резко повернул верхнюю и нижнюю части шара в разные стороны. Шар распался на две половинки, похожие на скорлупки яиц. Нижнюю часть, в которой остался браслет, Раф протянул старику.

С величайшей осторожностью, как будто это была очень древняя вещь, которая могла рассыпаться в прах от одного лишь прикосновения к ней, извлек Виираппан из пластиковой скорлупки черный браслет.

– Ты знал, что шар открывается? – спросил он у Рафа.

– Я просто подумал, что смысл заключен в той странной вещи, что находится внутри шара. А снаружи – просто защитная оболочка. – Раф соединил вместе две пластиковые половинки и показал Виираппану целый шар. – Если бы ее не было, ты бы никогда не нашел браслет. Без шара он бы утонул.

Раф кинул шар на лежак.

Виираппан посмотрел на шар, затем перевел взгляд на Рафа.

– Выходит, тот, кто прислал в наш мир эту странную вещь, хотел, чтобы ее нашли?

– Выходит, так, – Раф подтянул лежавшую комом в углу сеть, кинул себе на колени и стал перебирать, ища прорехи. – Если, конечно, в том мире, о котором ты все время талдычишь, не принято хранить такие вот браслеты в прозрачных пластиковых шарах.

Виираппан снова посмотрел на шар, затем на браслет, что держал в руке.

– Нет, – уверенно потряхнул он седой головой. – Ты верно сказал. Это, – он щелкнул ногтем по шару, – защитная оболочка!

– Пусть так, – не стал спорить Раф.

Потому что лично ему это было совершенно безразлично.

Найдя дыру в сети, Раф взял висевший на крючке обрывок тонкой, сплетенной из травы веревочки и принялся заделывать прореху.

Виираппан покрутил браслет в руках, затем продел в него кисть левой руки. Браслет слегка растянулся, затем снова сжался, плотно обхватив руку возле запястья.

– Смотри! – старик показал Рафу руку с браслетом.

– Здорово, – мельком глянув на странную вещь, кивнул Раф.

– Эта вещь сделана для того, чтобы носить ее на руке. – Виираппан произнес это так, будто сделал величайшее открытие, которое должно было перевернуть всю жизнь на Мелководье.

– Точно, – кивнул Раф. – Красивая штукавина.

– А ты, часом, не в курсе, как она называется? – хитро прищурился Виираппан.

– Это таймер с обратным отсчетом времени, – ответил, не прерывая своего занятия, Раф.

Старик удивленно приоткрыл рот. Он даже не сразу нашел, что сказать, настолько поразили его слова Рафа. Чтобы прийти в себя, Виираппан взял со столика чашку и залпом допил оставшийся в ней хмель.

– Ты раньше видел что-то подобное? – спросил он едва слышно, шелестящим, будто сухой тростник, голосом.

– Нет, – ответил Раф. Он быстро глянул на старика и, дабы приободрить его, улыбнулся. – Вещица и в самом деле необычная. Редкая вещица.

– В таком случае, откуда ты взял название?

– Не знаю, – безучастно пожал плечами Раф. – Само вдруг в голове появилось.

Виираппан откашлялся, расправил плечи и сразу обеими ладонями огладил бороду.

– Знаешь, как это называется?

– Что? – не понял Раф.

– То, что ты вспоминаешь названия предметов, которые, вроде бы, никогда прежде не видел?

– Не «вроде бы», а точно – не видел, – поправил старика Раф.

– Нет, именно «вроде бы», – решил настоять на своей формулировке Виираппан.

– Пусть будет «вроде бы», – не стал спорить Раф. Он вообще был не любитель споров. – И что с того?

– Это называется латентной памятью. У тебя в подсознании сохранились воспоминания о вещах, с которыми ты когда-то давно имел дело. За ненадобностью воспоминания перешли в неактивное состояние. Но как только ты видишь тот или иной предмет, они просыпаются.

– Все это, конечно, здорово. – Залатав дыру, Раф принялся дальше перебирать сеть, ища новые повреждения. – Но где и когда я мог видеть бинокль и таймер? – Раф искоса глянул на собеседника и улыбнулся. – Мне кажется, уважаемый, ты немного увлекся.

– Где ты родился? – спросил Виираппан.

– Здесь, на Мелководье, – ответил Раф.

– Кто были твои родители?

– Понятия не имею.

– Сколько лет тебе было, когда ты появился на свет?

– Не знаю.

– Но ты был уже не ребенок?

– Конечно, нет. У меня уже была своя пара плотов.

– Откуда у тебя плоты?

– Они всегда были моими.

– Это не ответ.

– Тогда я не понимаю твой вопрос.

Отложив в сторону сеть, Раф взял опустевший чайник и поднялся на ноги. Зачерпнув воды из глиняной бочки, оплетенной гибкими прутьями, Раф сделал несколько быстрых круговых движений и чуть приоткрыл дверь. Холодный ветер швырнул ему в лицо добрую пригоршню соленых брызг. Выплеснув за порог содержимое чайника, Раф поспешил захлопнуть дверь, дабы холод и сырость не проникали в надстройку. Наполнив чайник водой, Раф поставил его на горящие угли.

– Кто дал тебе имя? – задал новый вопрос неумный Виираппан.

– Не знаю, – по тому, как резко дернул подбородком Раф, можно было догадаться, что он начинает нервничать. – Имя всегда было при мне... Да в конце концов, какое это имеет значение?

– Человек рождается блондином или брюнетом, высоким или низкорослым, толстым или худым, голубоглазым или кареглазым. Иногда даже человек может родиться с шестью пальцами на руке. Но он не рождается с именем. – Виираппан ткнул указательным пальцем себя в коленку. – Имя кто-то должен ему дать!

– Ну, значит, так оно и было, – легко согласился Раф. – Кто-то в свое время назвал меня Раффаттаном.

– Посмотри, – Виираппан стянул с руки браслет с медальоном и протянул его Рафу. – Посмотри внимательно. Что ты можешь сказать об этой вещи?

Раф даже не притронулся к браслету.

– Я уже сказал, это таймер с обратным отсчетом времени.

– Да, но для чего он предназначен?

– Чтобы знать, сколько времени осталось до того или иного события.

– И что произойдет, когда выставленное на таймере время закончится?

Тут уж Раф смекнул, что торопиться с ответом не стоит. Сначала надо бы все как следует обдумать. Рафа мало интересовало, кто выставил время на таймере и как он попал на Глубину, но поразмыслить о том, что может произойти, – Раф посмотрел на браслет, что держал в протянутой руке Виираппан, – через 22 часа 46 минут и 17 секунд, – на самом деле стоило.

– Узнаем, – сказал Раф. – Ждать меньше суток осталось. А шторм, самое малое, дня на два зарядил.

Раф снял с огня закипевший чайник, открыл крышку и всыпал в него горсть сушеного хмеля. В ненастье горячий хмель – лучшее лекарство от простуды и хандры.

Глава 4

Даже в непогоду, когда нечего было и думать о том, чтобы сняться с якоря, работы Рафу хватало. Первым делом, конечно, огород на вспомогательном плоту. Нужно было следить за тем, чтобы вода не смывала землю с грядок и не подтапливала саженцы. Если у растений корни гнить начнут, то скоро и личинки мелководной песчанки заведутся. От этой напасти нет никакого спасения. Что ни делай, их день ото дня только больше становится. Лучше уж сразу повыдергивать все растения и – за борт. А грядки, выбрав день солнечный, разровнять и как следует просушить землю. Только так от личинок мелководной песчанки избавиться можно. А еще лучше – следить за тем, чтобы не заводились.

Утки тоже требовали к себе внимания. Но с ними проще – кинуть корма да воды в плошку налить. Клетки вычистить и в ясную погоду можно.

А еще целый ворох повседневных дел – шкуры рыбы помять и снова в солевой раствор засунуть, чтобы мягче становились, вяленые рыбные спинки на стояке не забывать поворачивать, чтобы равномерно со всех сторон подвяливались, прибраться в надстройке да пол помыть – давно нужно было, да все времени не хватало, – одежду кой-какую подлатать. Одним словом, человеку хозяйственному, к вещам своим с уважением относящемуся, дело на плоту всегда найдется.

Виираппан по большей части пропадал у себя. Чем он занимался, Раф не знал. Да и знать не хотел. Какое ему до этого дело? У каждого своя жизнь.

Раз Виираппан Рафа на обед пригласил. Раф идти не хотел – не любил объедать знакомых и уж тем более малознакомых ему людей. Но старик настаивал, твердил, что он перед Рафом в долгу и должен хоть как-то выказать ему свою благодарность. Пришлось пойти.

По тому, что у Виираппана не было вспомогательного плота, уже можно было догадаться, что особых разносолов на столе не будет. В надстройке на плоту старика не оказалось даже маленького столика, как у Рафа. И лежака тоже не было, – Виираппан спал на вязанке травяных циновок. Но насколько бедственно положение старика, Раф понял, только когда тот с извиняющейся улыбкой подал ему миску с варевом из сушеных фиолетовых водорослей и мелких морских рачков.

Водоросли на мелководье росли повсюду. Хозяйки выкладывали их широкими листьями бочки и прослаивали продукт, когда готовили какое-нибудь соленье или маринад. В маринованном виде, как добавка к основному блюду, фиолетовые водоросли были совсем неплохи. Но никогда прежде Раф не слышал, чтобы их использовали, как основу блюда. То же самое и с мелкими морскими рачками. Каждый из них был размером чуть больше ногтя. Мяса в таком рачке было с булавочную головку. Поэтому и использовали их, в основном, как корм для птиц. Пару ведер мелких рачков можно было за бесценок выменять на Квадратном острове. А под вечер, когда пора торговлю сворачивать, хозяева нераспроданных рачков так и вовсе даром отдают. Потому что, постояв ночь в ведре, рачки превращаются в склизкую, дурно пахнущую массу.

На вкус предложенное Виираппаном блюдо было абсолютно никаким. То есть совершенно безвкусным и пресным. Что, может быть, и к лучшему. Вид у варева был такой, что Раф поначалу засомневался, сильно засомневался, удастся ли ему съесть всю предложенную порцию. Однако ничего, съел. И даже поблагодарил старика, отдавая пустую миску. От добавки, впрочем, отказался.

Хмель, который подал Виираппан после водорослево-рачкового супа, оказался настолько жидким, что Раф сразу догадался – старик кинул в чайник все, что у него имелось.

За обедом Виираппан вновь пытался завести разговор о скрытых воспоминаниях, которые могут выплыть в самый неожиданный момент, о том, как люди появились на Мелково-

дье, о странностях этого мира, – который, к слову сказать, Рафу вовсе не казался странным, – о том, что без истории люди лишены не только прошлого, но и будущего. Рафу было скучно и хотелось есть, поэтому он очень вяло реагировал на реплики старика, и вскоре разговор сошел на нет.

На ужин Раф позвал Виираппана к себе. Старик долго отпирался и согласился прийти лишь после того, как Раф уверил его в том, что рыба, которой он собирается угостить гостя, непременно сгниет прежде, чем закончится шторм, так что довести ее до Квадратного острова он все равно не успеет.

А шторм, все это время вздымавший волны и гнавший соленую воду на Мелководье, оказался не очень-то и сильным. Так себе, средненький штормец. К исходу первого дня Раф перестал опасаться, что связку из трех плотов сорвет с якорей и утянет на Глубину.

Когда перед ужином Раф перебрался на плот Виираппана, чтобы проводить старика до своего плота, тот вновь вручил ему ту же большую плетеную сумку, что и в прошлый раз. Раф не стал возражать. То, что Виираппан боялся даже ненадолго расстаться со своими странными вещами, было еще не самым худшим из того, что слышал Раф о причудах некоторых стариков.

Как и в прошлый раз, Раф усадил гостя на лежак, а сам присел на корточки, прислонившись спиной к стене. Так ему было удобнее исполнять роль хозяина.

Еще до прихода старика Раф заварил полный чайник хмеля, зажарил на решетке свежую рыбу-веретено, отличающуюся очень вкусным, чуть сладковатым, сочным, белым мясом, наложил большую тарелку маринованных проростков тростника и, в довершение натюрморта, положил на край стола два свежих помидора и один разрезанный вдоль огурец. Не хватало на столике разве что только яиц и мяса птицы. Но в шторм утки не неслись, а резать птицу было рановато.

Виираппан при виде такой роскоши на время дар речи потерял. Попивая хмель из чашки, что до начала трапезы вручил ему Раф, старик, стараясь делать это незаметно, поглядывал то на столик с едой, то на хозяина надстройки. Должно быть, он всерьез задумался над тем, чем же занимается его новый знакомый, если может позволить себе такую роскошь? То, что все это устроено только ради него, старому отшельнику и в голову не приходило.

Раф, хотя и сохранял на лице невозмутимое выражение, был доволен тем, какое впечатление произвело на Виираппана его гостеприимство.

Трапеза проходила почти в полном молчании. Лишь время от времени Виираппан позволял себе вежливые замечания по поводу изумительного вкуса испробованных угощений. На то, чтобы обсуждать еще и историю человечества, а вернее, отсутствие таковой, – тема, к которой Раф начал привыкать и даже как-то приноравливаться, в том смысле, что она больше не казалась ему совсем уж дикой и чужой, – старика уже не хватало.

Когда основная часть пиршества была закончена и гость на пару с хозяином не спеша потягивали остывший хмель, откусывая время от времени по маленькому кусочку огурца, к Виираппану наконец-то вернулось обычное настроение.

– Как долго, по-твоему, продлится шторм, уважаемый Раффаттан? – любопытствовал для начала старик.

– Думаю, еще сутки, – ответил Раф. – Никак не меньше.

Виираппан озабоченно покачал головой, языком поцокал и потянулся за своей сумкой.

Неожиданно для себя самого Раф почувствовал любопытство – какую еще странную вещь собирается показать старик? И как она связана с бушующим штормом? Может быть, это прибор, предсказывающий погоду? Интересно, есть ли в ином мире, о котором так любит рассуждать старик, такой прибор?

К разочарованию Рафа, Виираппан достал из сумки уже знакомый ему прозрачный пластиковый шар.

Старик раскрыл шар, достал таймер и развернул его так, чтобы Рафу было видно табло.

– До назначенного времени осталось чуть больше часа.

Раф молча кивнул. Если быть точным – 1 час 11 минут и 14 секунд. Ну и что?

Раф перевел вопросительный взгляд на старика.

– Мы не знаем, что произойдет, когда таймер сработает, – напомнил Виираппан.

– Не знаем, – согласился Раф.

– Но это может таить в себе опасность.

Старик сурово сдвинул брови, всем своим видом показывая, что сам-то он ничего не боится, но безопасность Рафа его тревожит.

– Не думаю, что произойдет что-то ужасное, – едва заметно улыбнулся Раф.

– Мы ни в чем не можем быть уверены, – с весьма серьезным видом покачал головой старик.

– И что ты предлагаешь?

На таймере – один час и семь минут.

– Я весь день занимался изучением таймера, – старик внимательно посмотрел на прибор, как будто хотел лишний раз убедиться, что не пропустил ничего важного. – На нем нет никаких средств управления. Мы не можем остановить таймер или перевести на нем время. Из этого я делаю вывод, что данный таймер предназначен для одноразового использования.

Очень может быть, подумал про себя Раф.

– А то, что таймер закреплен на браслете, – Виираппан подцепил пальцем браслет и приподнял его, – наводит на мысль, что использовать его должен человек, надевший браслет на руку.

Верно, молча согласился Раф.

– Так что же произойдет с человеком в тот момент, когда таймер достигнет нулевой отметки?

На таймере – час и одна с половиной минута.

– Я не собираюсь испытывать это на себе, – на всякий случай предупредил Раф.

– Да, я понимаю, – с задумчивым видом кивнул Виираппан. – Но дело в том... – старик сделал паузу, почесал щеку. – Я вот что подумал... Что, если таймер не сработает, если не будет надет на руку?... Ведь может такое быть? Скажи, может?

– Может, – Раф сказал это только потому, что старик настойчиво требовал от него ответа.

– И что тогда? – патетически раскинул руки в стороны Виираппан.

– А что тогда? – не понял Раф.

– Мы потеряем уникальную возможность узнать, для чего предназначался таймер!

– А это так важно?

Старик звонко хлопнул себя по бедрам!

– Ну, сколько можно повторять одно и то же? – Виираппан смотрел на Рафа укоризненно, так, будто тот в очередной раз не прошел элементарнейший тест, ну, например, не смог сказать, сколько у него пальцев на руке. – Это таймер из иного мира!

Старик протянул вперед руку с открытой ладонью, предлагая Рафу продолжить рассуждения.

Но Раф молчал. В отличие от многих других, он никогда не чувствовал неловкости из-за своего молчания. Напротив, молчание казалось ему вполне естественным. Мир родился в тишине, и лишь потом его наполнили звуки. Раф не сам пришел к этому выводу – он вновь вспомнил что-то, однажды услышанное.

На таймере – пятьдесят две минуты.

– Я бы сам надел таймер на руку, – Виираппан поморщился, с сожалением или с обидой. – Но тогда я не смогу наблюдать за происходящим процессом со стороны, как и полагается непредвзятому исследователю.

Подумав, Раф решил, что нет смысла повторять, что он не собирается надевать браслет с таймером. Поэтому он снова промолчал.

Виираппан посмотрел на светящиеся ячейки таймера. Сорок четыре минуты до обнуления счетчика. Он по-хозяйски взял чайник и наполнил хмелем стоявшие на столике чашки, свою и Рафову. Затем взял чашку, зажал ее между ладонями и вдохнул запах отвара.

– Так что будем делать? – спросил он, глядя на дно чашки.

Интересно, подумал Раф, почему Виираппан считает, что я знаю ответ на этот вопрос? И почему я вообще должен на него отвечать?

Виираппан поднял взгляд на Рафа.

– Осталось меньше часа.

Да, подумал Раф, старик-то, оказывается, вовсе не прост. В гости пришел не за тем, чтобы сытно поесть. Ну, или не только за тем. Мало что могло вывести Рафа из себя, но тут он начал нервничать, – сам не заметил, как взял в руку нож и начал постукивать им по краю столика. Рафу не нравилось, когда им пытались манипулировать. А старик как будто именно это и пытался делать. Раф пришел к такому выводу, потому что не мог даже предположить, что на самом-то деле Виираппан пришел, чтобы посоветоваться с ним, как с понимающим человеком, и попытаться решить проблему, с которой одному ему было не справиться.

И тут вдруг Рафа озарила гениальная мысль.

– А давай оденем браслет с таймером на утку!

– Как – на утку? – старик озадаченно сдвинул брови. – На какую такую утку?

– У меня на вспомогательном плоту стоят клетки, в них семь уток, – объяснил Раф. – Если хочешь, я притащу одну из них сюда, мы наденем ей на шею браслет с таймером и посмотрим, что произойдет, когда он сработает.

– Хм... – Виираппан приложил палец к подбородку. – Возможно, в этом есть смысл... Утка, так же, как и человек, существо теплокровное... – В состоянии глубокой задумчивости старик медленно протянул руку, взял со столика чашку, – не свою, что была пустой, а Рафову, в которой еще оставался хмель, – и сделал глоток. Поставив чашку на стол, он неожиданно улыбнулся и подмигнул Рафу. – Тащи!

– Утку? – спросил Раф, у которого вдруг появились сомнения, правильно ли он понял старика.

– Ее, родимую, – кивнул Виираппан. – Да пожирнее.

Если это была шутка, то Раф ее не понял.

На таймере – тридцать девять минут.

Раф накинул куртку, натянул на голову кепку с козырьком и вышел под дождь.

То ли ему показалось, то ли на самом деле волны стали не такими высокими, как утром. Да и ветер, хотя все еще и пытался расстегнуть куртку на груди и сорвать с головы кепку, делал это уже как будто с неохотой, с ленцой, не из любви к искусству, а строго по служебной необходимости. А это означало, что шторм идет на убыль. Еще часов десять-двенадцать, и ветер погонит пресную воду с Мелководья на Глубину.

Добравшись до птичьих клеток, Раф схватил за крыло первую попавшуюся утку и сунул ее в заранее припасенный мешок. Утка оказалась не только упитанной, но еще и агрессивной, – успела-таки, возмущенно крикнув, пребольно ущипнуть Рафа за палец.

Вернувшись в надстройку, Раф кинул мешок в угол, снял мокрую одежду и поставил поближе к огню чайник с остатками хмеля. Делал он все основательно, никуда не торопясь. И даже то, что Виираппан демонстративно нетерпеливо поглядывал то на шевелящийся

мешок, то на таймер, не могло заставить Рафа суетиться и спешить, когда по его мнению в том не было особой нужды.

– Осталось пятнадцать минут, – севшим от напряжения голосом напомнил Виираппан.

Раф налил себе хмеля, взял в руку чашку, прошелся вдоль надстройки от одной стены к другой, сделал два небольших глотка и посмотрел в угол, где лежал мешок с уткой. У него вдруг появилось сомнение – правильно ли он поступает, идя на поводу у Виираппана? Старик, понятное дело, не замышлял ничего дурного. Но ведь он и сам не знал, к чему могли привести его игры со странными вещами из иного мира. Что, если...

– Раф! – властно позвал старик. – У нас не осталось времени на размышления.

Старик держал в вытянутой руке браслет с таймером так, чтобы Рафу было видно табло. До обнуления таймера оставалось чуть меньше десяти минут. Следовало поспешить.

Раф подхватил с пола мешок, вытряхнул из него утку и тут же схватил ее обеими руками, не давая возможности взмахнуть крыльями. Утка протестующе закрикала и принялась вертеть головой, норовя использовать клюв как последний аргумент в споре с более сильным противником. Одной рукой прижав утку к боку, Раф другой схватил ее за шею. Птица еще пару раз крикнула и затихла, уяснив, что дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Раф подошел к лежанке и присел на корточки рядом с Виираппаном. Старик накинул браслет утке на голову, опустил его до основания шеи, которая, кстати, оказалась ненамного тоньше его запястья, подогнал по размеру и повернул так, чтобы было видно табло.

До назначенного кем-то срока оставалось четыре минуты пятьдесят две секунды.

Раф пустил утку на пол. Птица тут же отбежала на расстояние, казавшееся ей безопасным, искоса глянула на внимательно наблюдавших за ней людей, крикнула для порядка, взмахнула крыльями и встряхнулась, расправляя помятые перья. Покрутив головой, утка обнаружила посторонний предмет у себя на шее и, конечно же, попыталась его снять. Но плоскому клюву никак не удавалось подцепить гладкий пластик, и после нескольких неудачных попыток утка оставила это дело. Люди явно не внушали птице доверия. Поэтому она отошла к самой двери и там присела, не теряя бдительности и внимательно наблюдая за людьми.

На таймере одна минута и сорок четыре секунды.

А что, если ничего не произойдет? – подумал Раф. Ничего из ряда вон выходящего. Ничего необычного. Вообще – ничего! Что тогда?

– Сейчас... – прошептал старик и крепко схватил Рафа за руку.

Пять секунд на таймере.

Четыре.

Ничего не произойдет, мысленно произнес Раф.

Три.

Очень уверенно, между прочим, произнес.

Две.

Он даже собрался повторить это вслух.

Одна.

А то ведь старик расстроится...

Утка исчезла.

Исчезла точно по расписанию, – когда на таймере загорелись нули.

Первой мыслью Рафа было то, что утка сделалась невидимой. Поэтому он тут же схватил сеть и кинул ее туда, где секунду назад сидела птица. Сеть упала на пол так, что ясно стало – нет под ней ничего.

Раф посмотрел на Виираппана.

Взгляд старика сиял так, будто он глотнул настоя зап-запа, а губы были растянуты в улыбке, глупее которой Раф в жизни не видел.

– Где моя утка? – спросил Раф.

Серьезно спросил, по-деловому.

– Не знаю, – еще шире улыбнулся Виираппан. – Быть может, в ином мире.

Раф озадаченно почесал щеку.

– И когда она вернется назад?

– Понятия не имею, – развел руками старик. – Быть может, никогда.

– Как это, никогда? – недовольно насупился Раф. – Ты, вообще-то, знаешь, сколько стоит утка?

Виираппан удивленно посмотрел на Рафа.

– Ты ведь сам предложил провести испытание на птице.

Раф задумался, вспоминая, как все было на самом деле.

Да, пожалуй, старик прав, он сам предложил нацепить браслет с таймером утке на шею. Но ведь он не предполагал, что утка исчезнет!.. Честно говоря, он вообще не думал о том, что может произойти. Ему просто передался интерес и азарт Виираппана. Как наваждение. Или дурная болезнь. Что, в общем, почти одно и то же, ежели привяжется, так не отстанет.

– Тебе кажется, что утка – слишком большая плата за то, что мы увидели?

Раф посмотрел на Виираппана, чтобы убедиться, что старик не шутит.

– Я лично ничего не вижу. – Раф подтянул к себе пустую сеть, скомкал и кинул в угол. – Вообще ничего.

Старик протянул Рафу пустую чашку.

– Налей, пожалуйста, хмеля.

Раф наклонил над чашкой чайник, но из носика выкатились только несколько капель.

С чайником в руке Раф поднялся на ноги и вышел за дверь. По щеке хлестнул порывистый ветер. Дождь, как оказалось, уже закончился. Лишь мелкие капли, срываемые ветром с гребней волн, летели в лицо.

Вытряхнув за борт распаренный хмель, Раф вернулся в надстройку, наполнил чайник водой и поставил на огонь.

– Ты знаешь, – произнес задумчиво Виираппан, глядя в потолок, будто обращался не к Рафу, а к кому-то, кто сидел на крыше надстройки и внимательно его слушал. – Я ожидал чего-то подобного. – Не отрывая взгляда от потолка, старик дважды суетливо кивнул. – Да-да! Таймер – это возможность вернуться назад для каждого, кто пожелает им воспользоваться. Что-то вроде спасательного пузыря, что кидают с плота человеку, смытому волной. – Виираппан наклонил голову и сосредоточенно потер пальцами виски. – Все это нужно как следует обдумать.

– А что, если птица просто исчезла? – спросил уныло Раф.

Ему было жалко пропавшую утку.

– Что значит «просто исчезла»? – недовольно сдвинул брови старик.

– Так же, как исчезает вода из чана, если оставить его на солнце, – объяснил Раф.

– Нет, – покачал головой Виираппан. – Нет! – Он решительно, отчасти возмущенно даже, взмахнул рукой. – Это явления совершенно иного порядка!

– А по мне так одно и то же, – пожал плечами Раф. – Было – и нет. Вот и вся философия.

– Философия, говоришь? – прищурился лукаво Виираппан.

– Ну, или что-то вроде того, – махнул рукой Раф.

Чувствуя, что ступил на зыбкую почву, Раф с деловым видом взялся за приготовление хмеля.

Сложив руки на коленях, Виираппан пристально наблюдал за всем, что делал Раф. Как будто боялся, что хозяин подсыплет гостю яда в чашку.

– Так что там насчет философии? – снова спросил Виираппан, принимая из рук плотогона чашку горячего хмеля.

– Ничего, – Раф отвел взгляд в сторону.

Он и сам не понимал, с чего вдруг заговорил об этом.

Старик отпил хмеля, довольно причмокнул губами и провел ладонью по бороде.

– Куда ты собираешься плыть после того, как закончится шторм?

Раф пока еще не думал об этом. Никаких срочных дел у него не было. Можно было отправиться в Лунную заводь, чтобы поставить сеть на баррабульку, – после шторма ее там не то что сетью, корзинами таскали. Мелкая рыбешка, колючая, с тремя острыми шипами на спине, но вкусная, особенно если ее зажарить. Ну, а ту, что не съешь, можно на рыбий жир перетопить. Тростник рубить сейчас смысла нет. Низкий он еще – стебель тонкий, не волокнистый. Плести из такого циновки – морока одна. На Квадратном острове вроде бы тоже делать нечего. Но почему бы не заскочить? Со знакомыми повидаться, а заодно посмотреть, что сейчас на базаре в цене, чем покупатель интересуется. У Рафа десятка полтора выделанных рыбьих шкур да три корзины вяленой рыбьей спинки в чулане лежит. Ежели цена хорошая, так и отдать можно кому-то из постоянных торговцев, – не самому же за прилавком стоять. Имелось еще у Рафа давнее намерение заняться промыслом морских раков. Спрос на морского рака всегда стабильный как на Квадратном острове, так и среди плоскоглазых. А у кого еще уголь выменяешь, если не у плоскоглазых? Брать у перекупщиков с Квадратного острова – почти вдвое накладнее получается. Да и сам Раф суп из морского рака очень даже любил. Но эта затея, в отличие от всех прочих, требовала основательной подготовки.

– Не знаю, – честно признался Раф. – Не думал пока.

Опершись локтями о колени, Виираппан подался вперед.

– По большому счету, тебе ведь все равно, куда плыть, – произнес он, слегка понизив голос, чтобы звучал таинственно.

– Ну, может быть, и так, – не стал спорить Раф.

Только мысленно добавил – и что с того?

– Я хочу предложить тебе приключение, – все так же негромко продолжил Виираппан. – Такое, какого у тебя никогда в жизни не было.

– Зачем мне это? – Раф недоуменно пожал плечами и плеснул себе в чашку хмеля. – Приключение какое-то... Лучше верни мне утку.

– Этого я сделать не могу, – с сожалением качнул головой Виираппан. – Но мы сможем расширить знания о мире, в котором живем, и, может быть, выясним, куда отправилась твоя утка.

– И тогда я смогу получить ее назад? – спросил без особой надежды Раф.

– Может быть, – ответил старик, не желавший обнадеживать Рафа понапрасну. – А может быть, мы получим нечто более интересное, чем утку.

– Что?

– Ну, сам подумай, как я могу это знать?

Во взгляде у старика растерянность, а может быть, еще и тоска. Чем больше узнавал он своего спасителя, тем более странным человеком тот ему представлялся. То вдруг Раф удивлял его своей проницательностью, то неожиданно огорошивал не глупостью даже, а полнейшим безразличием. Хотя, что уж тут поделаешь, безразличие являлось отличительной чертой всех живущих на Мелководье. За очень редким исключением.

– Так ты согласен?

– Нет.

Брови старика удивленно взлетели вверх.

– Почему?

– Потому что с тобой я уже потерял утку. А сам ты едва не потерял свой плот. – Раф вроде как оценивающе взглянул на Виираппана и скроил кислую мину. – С тобой одни неприятности.

Виираппан призадумался, довод был серьезный. Особенно когда споришь с человеком, с которым, как поначалу казалось, ты разговариваешь на одном языке, но по ходу беседы вдруг выясняется, что в одни и те же слова каждый вкладывает свой, непонятный другому смысл.

– Я не стану тебя уговаривать. – Виираппан поставил недопитую чашку на столик, давая тем самым понять, что по первому требованию хозяина готов покинуть надстройку. – Но я хочу сказать, что, отказываясь от моего предложения, ты упускаешь шанс, который дается только раз в жизни, да и то не каждому.

– Шанс на что? – спросил Раф.

– Шанс изменить мир, – ответил Виираппан. – Сделать его иным...

– А мне это надо? – развел руками Раф.

Старик улыбнулся – непонятно, с чего вдруг, – и почти в точности повторил Рафов жест.

– Извини, был не прав.

– Да нет проблем, – беззаботно махнул рукой Раф.

В конце концов, он не испытывал к Виираппану неприязни. Скорее даже наоборот, старик умилял его своей фанатичной верой в какой-то иной мир, в странные предметы, приплывающие оттуда по волнам, в то, чего он и сам не понимал, чему не мог дать даже самого общего объяснения.

– И ты ни о чем не хочешь меня спросить?

Раф тяжело вздохнул.

Определенно, нужно было что-то спросить. Иначе старик от него не отвяжется.

– Правду говорят, что это ты придумал делать настой из листьев зап-запа?

Виираппан оторопело уставился на Рафа. Все, что угодно, ожидал услышать старик, только не это. Даже решительный, выдержанный в нелицеприятных интонациях отказ продолжать разговор на данную тему не поверг бы Виираппана в такое смятение.

– При чем тут зап-зап?

Глава 5

В каждой общине, особенно, если она небольшая, непременно должен быть свой дурачок. Хотя бы для того, чтобы остальные, глядя на него, были уверены в собственном здравомыслии. На Квадратном острове мерилom человеческой глупости считался некто по имени Отциваннур.

Дурачком как таковым Отциваннур не был. Необычная сторона его натуры, позволившая прочим обитателям Квадратного острова зачислить Отциваннура в разряд дурачков, заключалась в любви к придумыванию и изготовлению различных устройств, не имеющих практического применения. Поделки Отциваннура приводили в восторг детей, которых на Квадратном острове было всего шестеро. Будь ребятишек побольше, Отциваннур смог бы, наверное, открыть лавку игрушек. А так ему приходилось соглашаться с тем, что он человек не от мира сего. А если не от сего, то от какого? Этого Отциваннур не знал. И никто не знал. Потому что никому это было не интересно. Отциваннур делал свои безделушки, люди смотрели на них и посмеивались.

Подобное положение дел устраивало Отциваннура по двум причинам. Во-первых, ему было абсолютно все равно, что о нем думают другие. Во-вторых, Отциваннур так и не смог пристроиться ни к одному из дел, традиционных для обитателей Квадратного острова. Рыбу ловить ему не нравилось, за раками морскими нырять он боялся, рубить тростник ему казалось скучно. Кроме того, – Отциваннур никогда и никому в этом не признавался, – он страдал морской болезнью. Ну, какой, скажите на милость, плотогон из человека, которому становится дурно, когда поднимается волна и плоты Квадратного острова начинают ходить ходуном? В такие часы Отциваннур сидел в своей надстройке, скорчившись над глиняным чаном, и молил всех, кто мог иметь власть над стихией, поскорее прекратить эту свистопляску.

Проблема заключалась в том, что Отциваннур толком не знал, кого именно следует просить о снисхождении. Наверное, поэтому штормы, раскачивающие плоты Квадратного острова, как правило, затягивались на три-четыре дня. Зато когда на Мелководье вновь устанавливалась тихая, ясная погода, Отциваннур выходил из надстройки, бледный, с опухшими веками, голодный, как черт морской, но при этом очищенный от всякой скверны и переполненный ощущением звонкого, брызжущего серебристыми искорками счастья. Обычно именно в такие моменты, когда счастье и восторг, распиравшие Отциваннура, самому ему казались безмерными, на него снисходило озарение. И он придумывал очередную никому не нужную вещь.

Вот только не стоит думать, что Отциваннур был всего лишь восторженным чудачком, не имеющим никакой практической сметки. Когда-то давно, во времена, о которых мало кто помнит, Отциваннур причалил к Квадратному острову связку из трех плотов. А это, надо сказать, являлось большой редкостью – люди, как правило, приплывали с двумя, а то и вовсе с одним плотом. У Отциваннура имелось три плота. Три отличных, новеньких пластиковых плота. И откуда он их взял, Отциваннур никому рассказывать не стал. А его никто и не спрашивал – не принято было. Закон на Мелководье один – все плоты твои, ежели никто не предъявляет на них своих прав. А имеешь претензии – изволь их подтвердить. Плот на Мелководье – это больше чем святое; это первооснова, а может быть, и первопричина самой жизни. Поэтому-то никто и не знает, что будет тому, кто решится украсть чужой плот, не случалось еще такого.

Ну, а Отциваннур, быстро сообразивший, что плотогоном ему не стать, причалил базовый плот к Квадратному острову, убрал с него все, что для плавания требуется, несколько грядок разбил и ряд клеток для птиц поставил. Нормальное жилье получилось. Кто другой такому бы еще и позавидовал. А вспомогательные плоты Отциваннур отдал в пользование

двум плотогонам, договорившись, что каждый из них станет за это отдавать ему пятую часть своей добычи. Так что ни в еде, ни в уголке, ни в каких других продуктах, необходимых для жизни на острове, нужды Отциваннур не испытывал. Да и плотогоны, взявшие у него плоты, тоже о том не жалели. На воде лишний плот – дополнительное жизненное пространство, которое, ежели его с умом использовать, дает огромное преимущество.

Как ни странно, история с плотами Отциваннура вскоре забылась, и обитатели Квадратного острова всерьез недоумевали, каким образом их местный дурачок, не прося подаяния, не только не умирает с голоду, но и вид имеет более чем процветающий. Если, конечно, накануне не было сильного волнения.

После очередного шторма, длившегося без малого четыре дня, Отциваннур, бледный, опухший и небритый, выглянул за дверь жилой надстройки, прищурившись, посмотрел на встающее над морской рябью солнце, удовлетворенно цокнул языком и снова скрылся за дверью. Нужно было привести себя в порядок и как следует подкрепиться после четырехдневного вынужденного поста.

День начался, но мало кто из обитателей Квадратного острова задумывался над тем, что он им принесет. Люди были уверены, новый день будет таким же, как вчера. За редким исключением, именно так всегда и бывало. А что вчера весь день штормило, так что ж с того? Нужно только навести порядок на грядках, высушить промокшую одежду, и о шторме можно будет забыть. Все снова будет как всегда.

Спустя час с небольшим Отциваннур, сытый, довольный, выбритый и радующийся жизни, вновь вышел на солнце. На нем были только штаны до колен и плетеные шлепанцы с двумя шнурками на ногах. Брился Отциваннур аккуратно, а вот за прической совсем не следил – просто обрезал волосы ножом, когда они начинали лезть в глаза. То, что оставалось, он стягивал на затылке шнурком. Волосы торчали в разные стороны, как ботва, из-за чего голова Отциваннура становилась похожей на странный, невиданный овощ.

Быстро пробежав вдоль грядок, Отциваннур сдернул укрывавшие их листья, кинул уткам три пригоршни сухого корма и, подболевшись, с чувством выполненного долга улыбнулся солнцу. В отличие от соседей, Отциваннур знал, что сегодняшний день будет не совсем обычным. Уже хотя бы потому, что, придя в себя после убийственной четырехдневной качки, он решил заняться новым проектом, подготовка к которому заняла без малого месяц.

Расстелив на палубе циновку, Отциваннур уселся на нее, скрестив ноги.

– Заранее прошу извинить меня, если я что-то сделаю не так, – произнес он негромко и на секунду наклонил голову.

Так Отциваннур начинал любую работу. Хотя, если признаться честно, он и сам не знал, к кому были обращены его слова.

Сунув руку в карман, Отциваннур достал черный бесформенный комок размером с полкулака. Это были плавательные пузыри рыбы гуфу, которые он ровно двадцать восемь дней вымачивал в ее же желчи, смешанной с соком морской свеклы. После этого плавательные пузыри должны были сделаться мягкими и эластичными. Рецепт поведал Отциваннуру один из плотогонов, плавающих на его плотях. А сам он узнал его от плоскоглазых. Если, конечно, не врет. Мало кто умеет общаться с плоскоглазыми, потому что человеческого языка они не понимают, а сами издают только гортанные, квакающие звуки, совсем не похожие на членораздельную речь. Но плотогон, рассказавший Отциваннуру о способе обработки пузырей рыбы гуфу, тем и занимался, что выменивал у плоскоглазых уголь, который потом сбывал на Квадратном острове. Поэтому Отциваннур надеялся, что он его не обманул.

А если и обманул, – Отциваннур подкинул и поймал черный комок, что держал в руке, – подумаешь, невелика потеря. Зато, если все получится так, как задумано... Отци-

ваннур улыбнулся, представив, как удивятся люди, увидев его новое изобретение. Скорее всего, ни один из них, как водится, не поймет, для чего это нужно. Но все равно удивятся. А Отциваннуру большего и не требовалось. Он не видел в своей работе никакого сакрального смысла. И в мессии записываться не собирался. Ему просто нравилось удивлять людей. Он полагал, что следом за удивлением должен проявляться интерес, а интерес, в свою очередь, просто обязан перерасти в некие действия.

Увы, на практике дальше удивления дело не шло. Ни в какую. Что бы ни придумывал Отциваннур, соседи в ответ только усмехались да пальцем у виска крутили. Тогда какой был смысл в том, что делал Отциваннур? Этого, пожалуй, никто не знал. А если и знал, то помалкивал. На Квадратном острове не любили тех, кто считал себя умнее других.

Особенно не любили здесь отшельника Виираппана. Вот уж, действительно, не человек, а ходячее недоразумение. Как приплывет на Квадратный остров, так и ходит себе, и ходит, и говорит, говорит, говорит... Со всеми подряд. И ладно бы о деле говорил. А то ведь несет околесицу, которую никто не понимает. А сам он вроде и не замечает этого – знай себе говорит, говорит, говорит... Торговцы любой товар ему со скидкой отдавали – лишь бы ушел поскорее. Ну кому, скажите на милость, интересно слушать, скажем, про то, что люди ну никак не вписываются в историю Мелководья, а своей истории у них, видишь ли, нет. И что с того? Живем-то нормально, а значит, куда нужно, вписались!

На всем Квадратном острове один только Отциваннур мог спокойно, без лишних эмоций слушать Виираппана. Да и то потому, что при этом своим делом занимался. Виираппан бубнит себе потихонечку, а Отциваннур кивает и что-то там руками делает.

Но это только со стороны так казалось. На самом деле Отциваннур любил слушать отшельника, хотя и понимал далеко не все из того, что Виираппан рассказывал. А спросить стеснялся. Ну, например, с чего вдруг старик решил, что история человечества подошла к концу? А если и так, то когда именно этот конец наступит? И что за ним последует? И как обстоят дела с концом истории у тех же плоскоглазых? Они ведь тут же, на Мелководье, можно сказать, под боком живут. При попутном ветре до Тихой заводи плот за три дня доплывет.

Много вопросов было у Отциваннура, да только не решался он их задать Виираппану, все до следующего раза откладывал. Как уже было сказано, мнение обитателей острова Отциваннуру было глубоко безразлично, но вот выглядеть глупцом в глазах Виираппана, – ну, пусть не глупцом даже, а всего-то недотепой, не понимающим с первого раза очевидные вещи, – ему не хотелось.

В конце концов, Отциваннур, наверное, решился бы задать Виираппану два-три имевшихся у него вопроса. Хотя бы только для того, чтобы посмотреть, какой будет реакция старика. Да вот что-то давно не появлялся Виираппан на Квадратном острове. Полгода уже, как никто его здесь не видел. Хотя плотогонь говорят, что встречают порой его плот: кто – у самой границы Глубины, кто – в тростниковых зарослях, неподалеку от селений плоскоглазых. Что он там ищет? Тоже вопрос.

Отциваннур помял в ладонях черный комок, как следует отжимая жидкость, в которой мариновались рыбы плавательные пузыри, и, подцепив ногтями, вытянул из влажного комка один из пузырей, после обработки ставший похожим на волокно, выпавшее из грязной мочалки, которой полгода, если не больше, драили палубу. Он взял пузырь за два конца и потянул в разные стороны. Пузырь растягивался легко, без напряжения. Поначалу имевший в длину чуть более четырех сантиметров, он вытянулся до восемнадцати. Теперь он был похож уже не на волокно мочалки, а на тонкую жилу. Придавив один конец жилы ступней, другой Отциваннур зажал зубами и, улыбаясь, начал растягивать следующий пузырь.

Вытянув три жилы примерно одинаковой длины, Отциваннур принялся сплести их в тугую косичку. При этом он то и дело подтягивал свое плетение, в результате чего косичка получилась ненамного толще одной жилы, но зато вдвое прочнее.

Привязав конец косички к большому пальцу ноги, Отциваннур намотал другой конец на палец левой руки, как следует натянул и тихонько дернул. Струна издала негромкий, чуть приглушенный, вибрирующий звук.

То что надо!

Отциваннур довольно улыбнулся и принялся плести вторую косичку.

На краю Отциваннурова плота уже сидели на корточках трое соседских ребятишек – двое мальчишек пяти и семи лет и светловолосая девочка с круглыми щечками, которой можно было дать года четыре. Дети с интересом наблюдали за тем, что делал Отциваннур, и почти неслышно перешептывались между собой, строя догадки о том, что он задумал на этот раз. Они ведь знали, ежели придешь на плот Отциваннура после сильной качки, так непременно увидишь что-нибудь необычное.

Взрослые появились, когда Отциваннур привязал к пальцу ноги третью косичку.

Первой пришла мать девочки. Обнаружив, что дочь куда-то запропастилась, она сразу догадалась, куда та могла пойти. Жили они всего в десяти переходах от плота Отциваннура, так что, забравшись на крышу надстройки, женщина убедилась в том, что ее догадка верна.

– Опять она к дураку убежала, – сказала женщина мужу, занимавшемуся затачиванием коротких, тонких палочек.

– Ну, так поди и приведи ее, – ответил муж, не прерывая своего занятия.

Женщина не хотела идти на плот Отциваннура. Ей не нравился дурачок. Главным образом потому, что в его присутствии она чувствовала себя не то чтобы неуверенно... И не смущенно... И не подавленно тоже... Наверное, правильно будет сказать, что рядом с Отциваннуром она чувствовала себя полной дурой. Да, именно так. Хотя сама себе женщина в этом, конечно же, никогда не признавалась. Ей больше нравилось верить в то, что она испытывает сострадание к убогому. А кроме того, мать боялась, что, находясь рядом с дурачком, дочь ее тоже поглупеет. Нельзя, чтобы в голову лезли чужие мысли. Чем больше мыслей – тем больше вопросов. А чем больше вопросов – тем меньше понимания того, что происходит вокруг. Вопросы должны быть простыми и конкретными. Например:

– А почему бы тебе самому за ней не сходить? – спросила женщина у мужа.

– Я занят, – ответил тот, даже не взглянув на жену, и, сосредоточенно прикусив губу, продолжил остругивать прутик.

– Чем это ты так занят? – подбоченясь, спросила женщина.

– Не видишь, что ли? – искоса глянул на нее муж.

– Вижу, – кивнула женщина. – Но не понимаю, зачем тебе это?

– Пока еще и сам не знаю. – Вжик – ножик срезал с конца прутика широкую стружку. – Может, для чего и сгодится. – Вжик. – Сама-то чем занимаешься? – Вжик.

Женщина безнадежно махнула рукой и шагнула на соседний плот.

По дороге она заглянула в окошко одной из соседских надстроек.

– Твой старший вместе с моей снова у дурачка на плоту сидит, – сообщила она прибиравшейся в комнатке женщине.

– Пусть себе сидит, – упершись ладонью в поясницу, хозяйка выпрямила спину и зевнула в полный рот. – Без него дома спокойнее.

– Думаешь, Отци его чему хорошему научит? – сварливо поинтересовалась мать девочки.

– Пусть себе учит, – безразлично махнула зажатой в руке мочалкой хозяйка. – Все равно ничего у него не выйдет. Вон, отец сколько пытался научить его корзины плести. И что?..

Она вопросительно посмотрела на гостью.

– И что? – растерянно повторила та.

– А ничего, – развела руками хозяйка. – Так и плетет один. И я так полагаю, что, ежели отец сына делу обучить не сумел, то дурак его и подавно ничему не научит.

Логика хозяйки показалась матери девочки неубедительный. Но спорить и доказывать что-то свое она не стала. В конце концов, каждый сам решает, как ему детей воспитывать. И стоит ли вообще этим заниматься. Вон, у Саттиддары сыну всего пять лет, а он с утра до ночи по всему острову носится, неизвестно, где и что ест, а случается, что и ночует у знакомых. А мать и в ус не дует. Бывает, спросит кто ее, где сын-то твой, Саттиддара, а она задумается, лоб наморщит, брови сдвинет, как будто понять не может, о ком идет речь?

– Я тебе сколько раз говорила, чтоб ты сюда не ходила! – мать схватила дочь за руку и потащила ее за собой, прочь с Отциваннурова плота.

Девочка захныкала, стала упираться. Ей было интересно посмотреть, чем закончатся приготовления Отциваннура. В отличие от взрослых, дети могут испытывать неподдельный интерес, за которым не стоит ни выгодный расчет, ни продуманная стратегия, ни тщательно завуалированный обман. С возрастом это, конечно, проходит. Почти у всех.

Отциваннур оторвался от своего занятия, поднял голову, вытащил изо рта концы струн и зажал их в кулаке.

– Она мне не мешает, – сказал он.

Мать как будто не услышала его слов или решила, что они адресованы не ей.

– Что тебя сюда все время тянет? – тащила она упирающуюся девочку за руку. – Нет других мест на острове?

– Мы все вместе сюда приходим, – вступился за девочку паренек, тот, что постарше. – Здесь интересно.

– А тебя вообще не спрашивают! – женщина гневно глянула на мальчика через плечо. – Интересно ему... Вот скажу твоим родителям, где ты болтаешься!

– А они и так знают, – безразлично пожал плечами мальчик.

– А раз знают...

Женщина запнулась, не зная, что сказать. Разговаривать с мальчишкой о теории воспитания было бессмысленно. Говорить, что у каждого свой подход к воспитанию, – впустую. Обвинять родителей в том, что не занимаются детьми, – глупо.

Дабы не ввязываться в дальнейшую словесную перепалку – бессмысленную, глупую и пустую, – женщина подхватила на руки отчаянно брыкающуюся и орущую во весь голос дочь, – на соседних плотках люди уже стали посматривать в их сторону, – и понесла домой.

Глядя ей вслед, Отциваннур покачал головой.

– Родителей надо слушаться, – сказал он, повернувшись к ребятишкам. – Это, я надеюсь, вам понятно?

– Понятно, – кивнул тот, что помладше.

– Даже если родители неправы? – пошел на провокацию старший.

– Родители всегда правы, – ответил Отциваннур. И после небольшой паузы, улыбнувшись, негромко добавил: – Даже в том случае, когда они неправы.

Мальчишки весело засмеялись. Шутку эту они слышали уже не впервой, но каждый раз она казалась еще смешнее, чем прежде. Может быть, потому, что незаметно для себя они с каждым днем становились взрослее?

А Отциваннур снова принялся за дело.

Следующими к плоту, на котором что-то происходило, подошли двое мужчин в возрасте. Делать им было нечего, вот и решили они посмотреть, чем там дурачок занимается. Облокотившись на бортовой поручень, они какое-то время молча наблюдали за тем, как Отциваннур плетет из жил косицу, – должно быть, пытались угадать, что на сей раз дурилка

затеял. Но с разгадыванием загадок дела у них, видно, обстояли плохо. Сначала они начали негромко переговариваться, затем заспорили, и в итоге один из них окликнул Отциваннур:

– Эй, Отци, что это ты делаешь?

– Струны плету, – не прерывая работы, ответил Отциваннур.

– А зачем?

– Интересную штуку хочу сделать.

– И как же эта штука называется?

– Ты сам-то понял, что спросил? – Отциваннур посмотрел на соседа так, что тому неловко сделалось, – вроде бы, по делу спросил, а чувствовал себя при этом глупее глупого. – Ну, откуда я могу знать, как эта вещь называется, если ее еще нет? Понимаешь? – Отциваннур откинул в сторону свободную руку. – Не существует в природе!

– Ну, ты кончай нам зубы-то заговаривать! – вступил в разговор второй наблюдатель. Он был чуть старше своего приятеля, а значит, более уверен и более агрессивен. Хотя агрессивность эта присутствовала лишь в его манере общения и никогда не переходила в форму физического воздействия на оппонента. – Подумаешь, в природе не существует! Если ты эту штуку делаешь, выходит, знаешь, для чего она предназначена!

– Знаю, – не стал отпираться Отциваннур.

– Ну, так и скажи по-человечески, без всякой там природы!

Отциваннур наклонил голову и озадаченно почесал затылок.

– Не могу, – сказал он, искоса глянув на собеседника.

– Не хочешь говорить, – обиженно прищурился тот. – А я ведь, помнишь, тростник тебе привозил.

– Хотел бы, да не могу, – Отциваннур снова взмахнул одной рукой, поскольку вторая у него была занята. – В языке нет таких понятий, которые могли бы объяснить то, над чем я сейчас работаю.

– Ага, ага, – еще больше обиделся мужчина. – Попросишь ты у меня еще тростника-то, Отци.

– Слушай, – болезненно поморщился Отци. – Подожди немного, сам все увидишь. Мне работы-то осталось всего ничего.

– Да нужна мне твоя ерунда!

С жутко обиженным видом мужчина отвернулся. Но не ушел. Остался стоять, привалившись плечом к столбу.

Отциваннур быстро доплел последнюю, пятую, косичку. Теперь оставалось только пристроить их как следует. Струны уже были привязаны к большому пальцу левой ноги. Сделав петли на других концах струн, Отциваннур продел в них пальцы левой руки и поднял растопыренную пятерню, натягивая струны.

К плоту подошли еще несколько человек, бродивших неподалеку в ожидании, когда Отциваннур закончит подготовку и перейдет к демонстрации своей новой штуковины. Им тоже хотелось взглянуть на то, что получилось. Чтобы потом можно было посмеяться над дурачком, не слушая историю, а рассказывая ее, – так ведь оно куда как забавнее.

Отциваннур зацепил ногтем первую струну, слегка оттянул и отпустил. Струна издала негромкий вибрирующий звук. Приподняв палец, Отциваннур ту же натянул струну и снова дернул. Звук получился громче, протяжнее и выше. Отциваннур дернул другую струну, и она ответила ему звуком, похожим на тот, что издала первая струна, но одновременно чем-то почти неуловимо отличающимся.

Отциваннур блаженно улыбнулся и закатил глаза. Плетя струны, он примерно представлял, что должно было получиться, но результат превзошел все его ожидания. Созданные им волшебные струны издавали звуки, которых не существовало в природе! Не существовало до тех пор, пока он, Отциваннур, не научился извлекать их!

Восторг и осознание собственного величия переполняли Отциваннура. Он чувствовал себя едва ли не властелином мира! А как же иначе, если он оказался приобщен к акту творения! Прежде, работая над своими изобретениями, Отциваннур лишь повторял, отчасти совершенствуя, то, что удавалось подглядеть в окружающем мире. Но на этот раз он создал то, чего прежде не существовало и не могло появиться без его участия.

Одну за другой, Отциваннур дернул все пять струн. Сделал он это так быстро, что звуки, издаваемые каждой струной, наложились друг на друга, создав новую гармонию, отдаленно напоминавшую то, как поют под ветром туго натянутые снасти. Но это было не то. Совсем не то! Такое сравнение можно было использовать лишь потому, что звучание струн не с чем было сравнить!

Слушая плывущие по воздуху звуки, Отциваннур закрыл глаза, а потому не видел лиц людей, собравшихся возле его плота. Люди тоже не видели друг друга, потому что смотрели на Отциваннура. Вернее, не на самого Отциваннура, а на его руку, удерживающую паутину струн.

Люди были растеряны. Люди были сбиты с толку. Люди не понимали, что происходит. Так обращаться с людьми нельзя!

Людей можно дурачить. Можно выводить их из себя. Можно заставлять верить в то, чего не было, нет и никогда не будет. Человек вообще очень терпелив, и с ним можно проделывать очень многое из того, что, казалось бы, должно быть противно самой его природе. Но никогда, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя давать ему понять, что он упустил в жизни что-то, чему пока и сам не знает названия, но чего уже не удастся вернуть, о чем он будет жалеть до конца своих дней.

Именно это непреложное правило нарушил Отциваннур. Скорее всего, неумышленно.

Люди, слушавшие звуки, что издавали созданные Отциваннуром струны, сначала пришли в замешательство. Они переглядывались, как будто хотели спросить друг друга: что это? откуда? зачем?

Затем появился главный вопрос: почему раньше мы этого не слышали?

А следом за ним еще: нужно ли нам это? А если нужно, то для чего?

Поскольку ни один из присутствующих так и не решился озвучить хотя бы часть вопросов, витавших в воздухе вместе со странными звуками, каждый пытался сам найти ответы на них. А лучше всего – один. Эдакий прямой, конкретный и ясный ответ, после которого уже не останется никаких вопросов.

Несомненно, так было бы проще всего. Но – не получилось. Вопросы роились, будто мальки в стае, но стоило только протянуть к ним руки, как они тотчас же прыскали в разные стороны. Вот он был – и вот его нет. В руке – пустота. В голове – примерно то же самое.

Неприятное это ощущение знакомо, должно быть, каждому. Поэтому каждый знает, что должно за этим последовать.

Так оно и произошло.

– Эй, Отци! – окликнул Отциваннура мужчина, один из тех, что первым подошел посмотреть, чем занимается дурачок. – Кончай!

Пальцы замерли, не коснувшись струн. Отциваннур посмотрел на говорившего.

– Кончай, – еще раз повторил мужчина, совсем не так уверенно, как сначала.

Ему показалось, что в возникшей вдруг тишине голос его скрежещет, как пластиковая палуба, когда ее драют песком. К тому же на него смотрели все собравшиеся.

– Я на своем плоту, – спокойно ответил Отциваннур и дернул третью струну.

И он был прав. До какой-то степени. На своем плоту каждый мог заниматься всем, чем заблагорассудится. До тех пор, пока это не нарушает права соседа спокойно заниматься своим делом. Загвоздка в том, что никогда прежде никто не извлекал звуков, подобных тем, что наловчился выдергивать из струн Отциваннур.

Все смотрели на мужчину, велевшего Отциваннуру прекратить дергать струны, и ждали, что он найдет достаточно веские аргументы для того, чтобы настоять на своем, в то время как сам он ожидал поддержки со стороны соседей. Вопрос был сложный – создавался прецедент.

– Послушай, Отци, – сказал кто-то другой. – Зачем тебе это?

– Что? – дурашливо вскинул брови Отциваннур, будто и правда не понимал, о чем идет речь.

– То, чем ты сейчас занимаешься?

– А чем я занимаюсь?

– Не знаю, – пожал плечами говоривший.

– Ты издаешь странные звуки, – нашел определение действиям Отциваннура кто-то третий.

– Не я издаю звуки, – усмехнулся Отциваннур, – а то, что у меня в руке.

Он выше поднял руку с растопыренной пятерней, ту же натягивая струны, и резко ударил сразу по всем ногтем большого пальца. Струны взвизгнули. Отциваннур чуть опустил ладонь, а затем снова резко потянул струны вверх. Звук дернулся, покачнулся, поплыл.

Людям показалось, будто большая волна подкинула плоты высоко вверх, а затем ухнула их вниз, да так глубоко, что небо потемнело.

Сидевшие на краю Отциваннурова плота мальчишки восторженно вытаращили глаза.

Отциваннур удовлетворенно хмыкнул, он и сам не ожидал подобного эффекта.

Мужчина наклонил голову, недобро прищурился и направил в сторону Отциваннура согнутый указательный палец. Затем он тряхнул головой, будто хотел откинуть со лба густые темные выющиеся на концах волосы, повернулся спиной к блаженно щурившемуся, словно от яркого солнца, Отциваннуру и, перепрыгнув поручень, быстро зашагал, почти побежал прочь от дурацкого плота. Он знал, а может быть, только чувствовал, не в силах объяснить почему, что если ушей его снова коснется звук Отциваннуровых струн, мир вокруг перевернется с ног на голову. Вода станет небом, небо – водой. Солнце ухнет в Глубину, превратившись в отблеск гигантской рыбы-луны. Плоты Квадратного острова рассыплются и поплывут в разные стороны, влекомые не ветром, не течениями и не ударами весел плотогонов, а подчиняясь звукам струн, что дергают пальцы дурака.

Другие тоже стали расходиться.

Люди не обсуждали то странное чувство, что вызвали звуки струн. Они хотели забыть о том, что произошло. Потому что так было правильно. Так было правильно и спокойно. Дни должны следовать своей чередой. Ночь должна сменять день, а день – идти на смену ночи. Ветер должен гнать волны. Рыба должна хватать наживку и попадаться на крючок. Покой – суть неизменности. Неизменность – первооснова жизни. Этого не нужно было произносить вслух, потому что это знал каждый. А звуки струн Отциваннура – люди чувствовали это! – нарушали установленное в природе равновесие. И это было неправильно. Это было нехорошо.

Пользуясь отсутствием взрослых, двое мальчишек поближе подобрались к Отциваннуру.

– Можно мне попробовать? – негромко спросил старший.

– Конечно.

Отциваннур потуже натянул струны.

Мальчик осторожно подцепил пальцем вторую струну, чуть-чуть потянул ее и отпустил.

Струна тихо тренькнула.

– У тебя отлично получается, – ободряюще улыбнулся Отциваннур. – Если хочешь, я сделаю для тебя комплект струн.

– Нет, – мальчик качнул головой и невесело улыбнулся. – Мамка все равно выкинет.

– Ну, тогда можешь в любое время приходить ко мне и тренироваться, – предложил Отциваннур. – Годится?

– Годится, – кивнул паренек и еще раз, гораздо увереннее, дернул струну.

На Квадратном острове слишком мало детей, глядя на мальчика, с тоской подумал Отциваннур. А без детей у людей нет будущего. Прав Виираппан, конец истории неизбежен. Но почему это должно случиться именно здесь, на Квадратном острове? У Отциваннура не было ответа. Поэтому он не стал задавать себе другие вопросы.

Глава 6

Оновой игрушке, придуманной Отциваннуром, первой рассказала Упаннишшуру жена.

Так случалось всегда. Что бы ни произошло на Квадратном острове, Упаннишшур узнавал об этом, когда в надстройку, где он спокойно занимался своим делом, влетала худая растрепанная женщина и с порога, даже не потрудившись дверь за собой прикрыть, пафосно восклицала:

– Нет, ты только посмотри, что делается! Куда, я тебя спрашиваю, катится мир?

– Мир никуда не катится, – спокойно отвечал жене Упаннишшур. – Мир стоит на месте. И даже твои крики не способны сдвинуть его хотя бы на волос.

– Ах, подумаешь, какой умный! – Руки – в бока, голова от плеча к плечу качается, того и гляди отвалится. – Сидишь тут и не знаешь того...

Ну, а дальше следовала сама история, ради которой, собственно, и начат был разговор. Если, конечно, подобный обмен традиционными фразами можно считать разговором.

Обычно новости, которые приносила жена, не представляли для Упаннишшура никакого интереса. Это был либо рассказ о ссоре между соседками из-за какой-нибудь ерунды, либо история утки с невообразимой тягой к свободе, что помогла ей выбраться из клетки, добраться через тринадцать плотов до открытой воды и уплыть в неизвестном направлении, либо, – что случалось чаще всего, – причитание по поводу того, что другие, вот, живут, как люди, а у них в семье... Ну, это даже и не новость была. Упреки в свой адрес Упаннишшур слышал регулярно, вполне к ним привык и обращал на них внимания не больше, чем на жужжащую над ухом муху. Сводились они, по большей части, к тому, что при том авторитете и уважении, что испытывали к нему люди, Упаннишшур давно бы мог переместить свой плот в центр острова и даже пару грядок занять на общественном огороде. Ну как было объяснить глупой женщине, что люди как раз и уважали Упаннишшура за то, что его образ жизни являл собой образец для каждого, кто осознавал себя не просто владельцем плота, но членом общества. Упаннишшуру были чужды какие-либо желания и стремления, он довольствовался тем, что имел, на большее не замахивался, а потому и плот его стоял на самом краю острова. Но зато неподалеку от причала, у которого ставили плоты вернувшиеся с добычи плотогоны. И, между прочим, почитай что каждый из них, едва ступив на остров, спешил заглянуть к Упаннишшуру, чтобы засвидетельствовать свое почтение и оставить что-то в знак уважения. Хотя Упаннишшур никогда, ну или почти никогда, не использовал свой авторитет с тем, чтобы кому-то помочь или же, напротив, перекрыть человеку путь. Но, поскольку всякий знал, чего стоит слово Упаннишшура, ему даже не требовалось это слово произносить.

Итак, худая растрепанная женщина влетела в надстройку, где Упаннишшур старательно наматывал на рукоятку столового ножа узкую полоску шкуры рыбы-зверя, и с порога заголосила:

– Ой, что делается! Что делается, люди добрые! И куда ж только этот проклятуций мир катится?

С некоторых пор Упаннишшур стал подозревать, что жена его пестует в себе лицедейский комплекс.

Болезнь эта не смертельная и не заразная, но постыдная, как ночное недержание мочи. В не слишком запущенных случаях лицедейский комплекс сводился к тому, что больной без какой-либо видимой причины всеми силами старался привлечь к себе внимание окружающих. При этом он не только вел себя так, как обычно ему было не свойственно, но даже пытался копировать манеру поведения других людей. Помогает больному покой, отвар из

корня донного широколиста и, что самое главное, полное невнимание со стороны тех, на кого рассчитано его выступление.

Придя к выводу, что жена, не закрывая двери, разговаривает с ним на повышенных тонах не по причине чрезмерной экзальтации, а совершенно умышленно, стремясь таким образом сделать своими слушателями не только мужа, но и соседей, Упаннишшур стал принимать упреждающие меры. В случае долгого отсутствия жены он обходил плоты соседей, заранее принося извинения за представление, свидетелями которого им, возможно, придется стать. Поскольку речь шла о больном человеке, соседи с пониманием относились к проблеме Упаннишшура и, едва заслышав голос его жены, тут же перебирались с палуб в надстройки, не забывая плотно прикрыть за собой двери.

– Закрой дверь, дорогая, – негромко произнес Упаннишшур.

– А? – подалась вперед жена.

– Закрой, пожалуйста, дверь, – отложив в сторону нож, Упаннишшур повернулся в сторону жены. – Ты же знаешь, я боюсь сквозняков.

Женщина сделала шаг вперед и хлопнула дверью.

Упаннишшур смотрел на худую, с расплывшимся задом и обвисшими грудями женщину, с лицом, похожим на водяной боб, и коротко остриженными волосами, – однажды она решила, что следить за прической слишком обременительно, – и не мог вспомнить, что в ней привлекало его когда-то? Они были вместе уже много лет. Сколько именно, Упаннишшур не знал. Когда пара плотов Упаннишшура встала на якорь возле скопления плотов, из которого со временем сложился Квадратный остров, эта женщина уже жила в его надстройке. И он считал ее женой.

– Ты слышал, что учудил дурачок Отци? – спросила Упаннишшура женщина.

Упаннишшур поморщился, вспомнив, как у него болел коренной зуб, вырванный год назад. Вопрос был задан так, будто женщина заранее знала, что ему уже все известно и, более того, именно он, Упаннишшур, в ответе за случившееся. А если так, зачем спрашивать?

Но женщина стояла перед ним, упершись руками в бока, и ждала ответа.

– Нет, – сказал Упаннишшур. – Я уже неделю не видел Отци и не знаю, что он сотворил на этот раз.

Женщина выставила вперед растопыренную пятерню и пошевелила пальцами.

Упаннишшур недоуменно поднял левую бровь.

– Отци привязал к пальцам нитки и извлекает из них звуки!

– Из пальцев?

– Из ниток!

– Ну и что?

– Как это что! – всплеснула руками женщина. – Он пугает людей!

– Пугает?

– Именно!

– Чем?

– Своими звуками!

Упаннишшур поджал губы и озадаченно почесал коротко подстриженную бородку. Не иначе как у жены началось обострение лицейского комплекса. Выходит, настой из корня донного широколиста не помог.

– Ты сама это видела?

– Что?

– Как Отци извлекает из нитей звуки, которые пугают людей?

– Да все вокруг только об этом и говорят! – женщина сделал широкий жест рукой, как будто комната была полна людей. – Пора положить этому конец!

Упаннишшур снова почесал бородку. Затем протянул руку, взял глиняный кувшин и плеснул в чашку целебного настоя.

– Выпей, – протянул он чашку жене. – Ты слишком взволнована.

– Кончай делать из меня дурочку!

Взмахнув рукой, женщина выбила чашку из руки Упаннишшура. Чашка ударилась о стену и раскололась на три почти одинаковых осколка. А женщина гневно сверкнула глазами, развернулась на голых пятках и вылетела из надстройки.

Упаннишшур почесал бороду.

Наверное, стоило догнать ее и заставить вернуться. Но Упаннишшуру страшно не хотелось это делать. Без жены в надстройке было так тихо, спокойно и уютно. Только когда жены не было рядом, Упаннишшур мог поверить в то, что у него есть дом.

Упаннишшур не придавал большого значения истории о странных нитях Отциваннура. Но спустя несколько часов, выйдя прогуляться, он услышал ту же самую историю от соседа, человека здравомыслящего и уравновешенного. История, рассказанная соседом, звучала не столь драматично, как та, что слышал Упаннишшур от жены, но по сути обе они были похожи. В интерпретации соседа, звуки, извлекаемые Отциваннуром из странных нитей, не приводили людей в ужас, но раздражали их, не давали спокойно отдохнуть, насладиться покоем.

– Причина в том, что это звуки искусственного происхождения, – сделал свой вывод сосед. – А следовательно, не несут в себе никакой смысловой нагрузки. Бессмысленность и пустота звуков вызывает у людей раздражение. Это все равно, как сделать из глины полый внутри шар. Вроде бы, сосуд, но ни налить, ни вылить ничего нельзя. Только и остается, что грохнуть его о стену.

Упаннишшур, уже в который раз за день, принялся скрести ногтями бороду.

Распрощавшись с соседом, Упаннишшур отправился на причал. Просто так, без ясной цели. Ему хотелось обдумать услышанное, а дома сделать это было невозможно, – в любую минуту могла вернуться жена, пустая болтовня, да что там болтовня, само присутствие которой было совершенно несовместимо с размеренным мыслительным процессом. Почему так происходило, он и сам не мог понять, но стоило только жене переступить порог надстройки, как все мысли в голове Упаннишшура, уже почти выстроенные в ровную логическую цепочку, превращались в кусок старого мочала, концы из которого торчали во все стороны. Поэтому, когда требовалось что-то обдумать, Упаннишшур старался уйти подальше от дома.

На причале Упаннишшур встретил человека, который занимался тем, что проверял, насколько хорошо и надежно скреплены между собой плоты Квадратного острова. Это был единственный обитатель Квадратного острова, который не знал своего имени. А от всех попыток придумать ему имя или хотя бы прозвище он категорически отказывался. Несколько лет назад он приплыл к острову на двух плотях, один из которых сразу же отдал под общественный огород. Никто не поручал ему следить за тем, как причалены друг к другу плоты Квадратного острова, – человек без имени сам взялся за эту работу. Выполнял он ее с таким старанием и усердием, что, наблюдая за ним, Упаннишшур думал порой, что вот наконец-то он видит человека, нашедшего смысл жизни хотя бы для себя одного.

Упаннишшур рассчитывал перекинуться с человеком без имени двумя-тремя ничего не значащими фразами и проследовать дальше, в сторону Безопасного угла, но, к своему удивлению, вновь услышал про Отци-дурачка.

Человек без имени лично наблюдал за тем, как развлекается с нитями Отциваннура. Он так и сказал – «развлекается», потому что, в отличие от прочих, не усмотрел в занятии Отци ничего предосудительного. И тем не менее он тоже обратил внимание на то, что многие присутствующие болезненно реагировали на звуки Отциваннуровых струн.

– Нет, звуки не пугали людей, – отмахнулся человек без имени от высказанного Упаннишшуром предположения. – Скорее, они вселяли в них какое-то странное, неосознанное беспокойство... И возбуждение. Вроде как... – человек без имени покрутил головой, подыскивая нужное сравнение. – Вроде, как утки, которые перед штормом крякать начинают.

Нет, человек без имени вовсе не считал новую игрушку Отциваннура опасной. И он был категорически против того, чтобы запретить дурачку забавляться со струнами, – а такое мнение, судя по всему, кем-то уже высказывалось.

– Отци пусть и дурачок, а все равно права те же, что и все, имеет, – рассудительно заметил человек без имени. – Насильно слушать свое брнчание он никого не заставляет. А ребятишкам, я заметил, это даже нравится. Вот если Отци начнет по ночам со струнами забавляться, тогда другое дело, нужно будет принять меры. Но Отци, хотя и дурачок, – человек без имени лукаво подмигнул Упаннишшур, – но глупостей-то не делает.

После разговора с человеком без имени Упаннишшур решил, что нужно самому посмотреть, что там на сей раз придумал Отциваннур. Хотя бы для того чтобы составить собственное мнение на случай, если кто-то снова примется обсуждать с ним ту же тему.

Не откладывая дело в долгий ящик, Упаннишшур распрощался с человеком без имени и, обогнув причал, направился к центру острова.

Шагая по проложенным между плотами узким настилам, Упаннишшур то и дело вежливо кивал и помахивал рукой, отвечая на приветствия островитян, каждого из которых он знал не только в лицо, но и по имени. Людей на Мелководье было не так уж много, а на память Упаннишшур пока не жаловался.

А в самом деле, сколько людей живет на Мелководье?

Вопрос этот порой приходил Упаннишшур в голову, когда, прогуливаясь по острову, он видел знакомые лица. Десятки, сотни знакомых лиц. И это не считая плотогонов, которые причаливали свои плоты к Квадратному острову, только когда привозили товар на обмен. Обычно они задерживались на острове не больше недели. И ни разу на причале острова не стояло больше десяти плотов одновременно. Так сколько же всего плотогонов водит свои плоты по Мелководью? Странно, но почему-то никто ни разу не предлагал пересчитать хотя бы тех, кто постоянно жил на острове. Наверное потому, что никому это было не нужно. Упаннишшур вскоре уже и сам удивлялся, что за странная мысль посетила его? Ну, в самом деле, зачем ему знать, сколько человек живет на острове? Больше сотни, меньше тысячи – вполне приемлемая статистика.

Отциваннура на плоту видно не было.

Перебравшись через бортовой поручень, Упаннишшур подошел к двери надстройки, поднял руку, чтобы постучать, но вместо этого замер и прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука. Возможно, Отциваннура не было дома, мало ли, куда он мог пойти. А может быть, он спал, почему бы и нет? Или, задумавшись, сидел на корточках, наклонив голову и прижав лоб к коленям, – Упаннишшур не раз заставлял его в такой позе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.